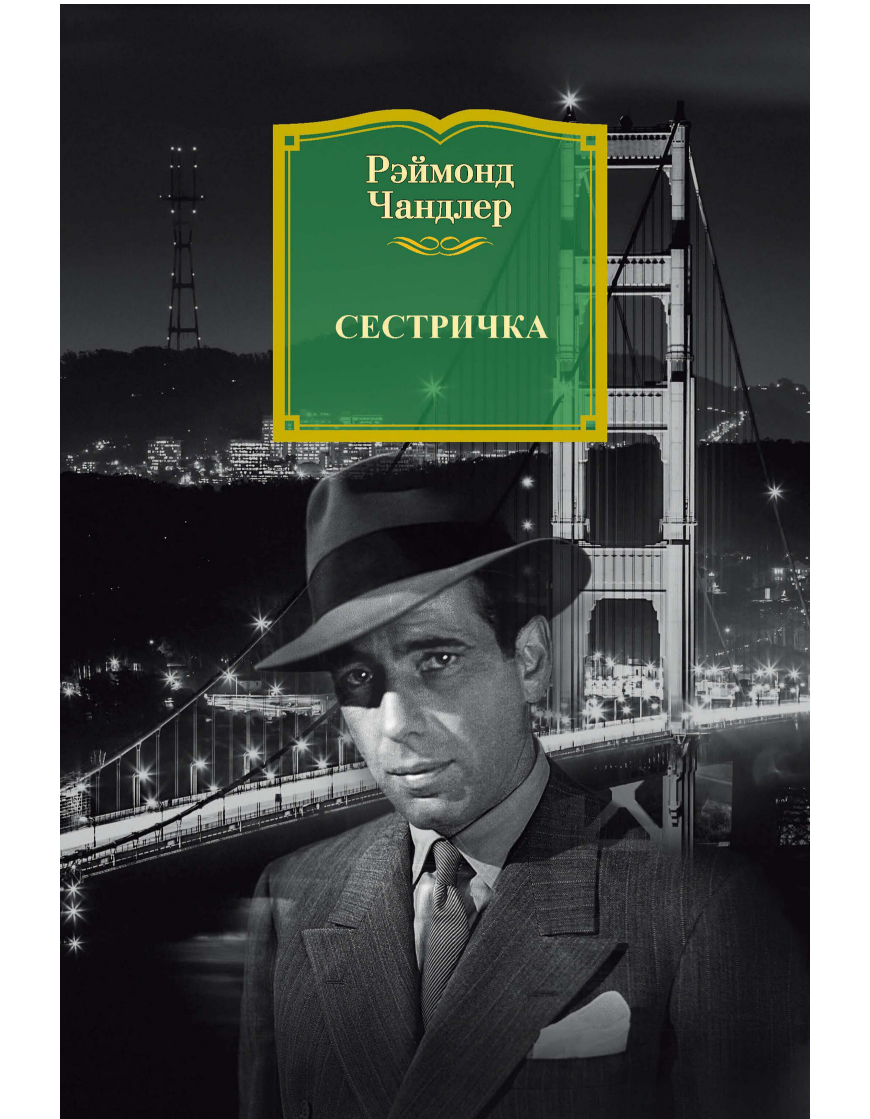

Рэймонд
Чандлер

СЕСТРИЧКА

Рэймонд Чандлер

Сестричка

Серия «Филип Марлоу», книга 5

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=118675
Р. Чандлер. Сестричка: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»; Москва; 2019
ISBN 978-5-389-16943-2

Аннотация

Книги Рэймонда Чандлера о Филипе Марлоу не только заложили основы жанра «крутого» детектива, но и стали современной классикой в самом широком смысле. «Рэймонд Чандлер – оригинальнейший стилист, а его герой Филип Марлоу бессмертен, как Шерлок Холмс», – писал маститый Энтони Бёрджесс. Марлоу представляет собой новый тип детективного героя: он романтик, сентиментальный рыцарь, всегда сохраняющий свою индивидуальность и соблюдающий кодекс чести. Он не ищет приключений – они сами его находят, причем сюжет, изобилующий фирменными головокружительными хитросплетениями, начинается, как правило, довольно невинно. Так в «Сестричке» наивная провинциалка из Манхэттена, штат Канзас, умоляет сыщика отыскать ее пропавшего в Лос-Анджелесе брата.

На сюжеты Чандлера поставлены несколько эталонных фильмов-нуар, и для многих образ Марлоу прочно ассоциируется с личностью Хамфри Богарта. «Блондинку в озере» экранизировал в 1946 г. Роберт Монтгомери, сам же исполнивший главную роль, и это был один из первых фильмов в мировом кинематографе, от начала до конца снятый субъективной камерой. Экранизация «Сестрички» с Джеймсом Гарнером в главной роли вышла в 1969 г. под названием «Марлоу»; именно эта картина Пола Богарта впервые познакомила американских зрителей с Брюсом Ли. «Долгое прощание» перенес на экран в 1973 г. Роберт Олтмен; главную роль исполнил Эллиот Гулд, а сценарий написала Ли Брэкетт, совместно с Уильямом Фолкнером работавшая над сценарием «Вечного сна» – классической экранизации первого романа о Марлоу, снятой Говардом Хоуксом в 1946 г.

Содержание

1	6
2	10
3	27
4	38
5	46
6	49
7	52
8	64
9	70
10	77
11	81
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Рэймонд Чандлер

Сестричка

Raymond Chandler

The Little Sister

Copyright © 1949 by Raymond Chandler

Copyright renewed 1976 by Mrs Helga Greene

© Д. В. Вознякевич, перевод, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019

Издательство Иностранка®

1

На матовом дверном стекле черной потрескавшейся краской написано: «Филип Марлоу. Частный детектив». Это довольно обшарпанная дверь в конце довольно обшарпанного коридора. Здание выстроено примерно в то время, когда отделанные кафелем туалеты стали основой цивилизации. Дверь заперта, но рядом другая, с такой же надписью. Она открыта. Входите смело – здесь лишь я и большая сине-зеленая муха. Но только если вы не из Манхэттена, штат Канзас.

Стояло теплое, ясное, солнечное утро, какие у нас в Калифорнии бывают ранней весной, до начала густых туманов. Дожди прекратились. На высоких вершинах из долины еще виден снег, но холмы уже зеленеют. меховые магазины рекламируют ежегодную распродажу по сниженным ценам. Публичные дома, предлагающие клиентам шестнадцатилетних девочек, занимаются земельными сделками. А в Беверли-Хиллз зацветает джакаранда.

Минут пять я осторожно преследовал муху, дожидаясь, когда она наконец сядет. Но садиться муха не желала. Ей хотелось совершать фигуры высшего пилотажа с одновременным исполнением увертюры к «Паяцам». На углу письменного стола лежало яркое солнечное пятно, и я знал, что рано или поздно она туда сядет. Но этого мига я не уловил. Жуж-

жание прекратилось, и муха оказалась на столе. Тут зазвонил телефон.

Я осторожно потянулся к трубке, медленно поднял ее и негромко сказал:

– Минутку, пожалуйста.

Затем осторожно положил трубку на коричневую тетрадь. Муха сидела на месте, блестящая, сине-зеленая и преисполненная греха. Я сделал глубокий вдох и взмахнул мухобойкой. То, что осталось от мухи, отлетело и шлепнулось на ковер. Останки я предал мусорной корзине.

– Извините, что заставил ждать, – сказал я в телефонную трубку.

– Вы мистер Марлоу, детектив?

Негромкий, чуть торопливый девичий голосок. Я ответил ей, что да, я мистер Марлоу, детектив.

– Сколько вы берете за услуги, мистер Марлоу?

– Какие услуги вам требуются?

Голосок стал чуть порезче:

– Мне бы не хотелось говорить об этом по телефону. Дело... дело очень доверительное. Прежде чем тратить время на визит к вам, мне нужно иметь представление...

– Сорок долларов в день плюс расходы. Это в том случае, если работу нельзя выполнить за фиксированный гонорар.

– Слишком уж дорого, – произнес голосок. – Так ведь могут уйти сотни долларов, а у меня только маленькое жалованье и...

– Где вы сейчас находитесь?

– Да я в аптеке. Рядом со зданием, где расположена ваша контора.

– Могли бы сэкономить пять центов. Лифт бесплатный.

– Я... я вас не понимаю.

– Поднимайтесь, покажитесь мне на глаза, – сказал я и добавил: – Если дело у вас из тех, какими я занимаюсь, вы получите ясное представление...

– Мне надо знать о вас хоть что-нибудь, – очень твердо ответил голосок. – Дело очень деликатное, очень личное. Я не могу разговаривать о нем с кем попало.

– Раз оно такое деликатное, – сказал я, – может, вам обратиться к женщине-детективу?

– Господи, я и не знала, что такие есть. – Пауза. – Нет, пожалуй, женщина-детектив не подойдет. Видите ли, мистер Марлоу, Оррин жил в очень дурном окружении. По крайней мере, мне так показалось. Управляющий домом с меблированными комнатами – противнейший тип. От него несло перегаром. Вы пьете, мистер Марлоу?

– Ну, раз уж вы об этом заговорили...

– Вряд ли я стану нанимать детектива, употребляющего алкоголь в каком бы то ни было виде. Я не одобряю даже курения.

– А если я очистил апельсин, ничего?

На другом конце провода послышался резкий вздох.

– Могли бы, по крайней мере, разговаривать как джентль-

мен, — сказала она.

— Раз так, обратитесь в университетский клуб, — посоветовал я. — Ходят слухи, что там сохранилась парочка джентльменов, только вряд ли они пойдут у вас на поводу.

И повесил трубку.

Это был шаг в нужном направлении, но я остановился на полпути. Надо было запереть дверь и забиться под стол.

Пять минут спустя в смежную комнату, которая служит мне приемной, позвонили. Входная дверь открылась и закрылась. Потом некоторое время не было слышно ничего. Дверь в ту комнату была приоткрыта. Я прислушался и решил, что кто-то по ошибке заглянул не туда и ушел. Потом послышалось легкое постукивание по дереву. Затем покашливание. Я снял со стола ноги, поднялся и выглянул в приемную. Там находилась она. Мне это было ясно без слов. Ничто не напоминало в ней леди Макбет. Маленькая, аккуратная, с виду довольно чопорная. На ней был строгий коричневый костюм, с плеча свисала неуклюжая квадратная сумочка, вызывающая мысль об оказывающей первую помощь раненым медсестре. На гладко причесанных каштановых волосах сидела бесформенная шляпка. Ни косметики, ни губной помады, ни украшений. Очки без оправы делали ее похожей на библиотекаряшу.

– Так по телефону не разговаривают, – резко сказала она. – Вам должно быть стыдно.

– Гордость не позволяет мне выказывать стыд, – ответил я. – Входите.

Я придержал дверь, когда она входила. Потом стул, когда она садилась.

Села она на самый краешек.

– Если б я разговаривала так с кем-нибудь из пациентов доктора Цугсмита, – заявила она, – то лишилась бы работы. Доктор обращает на это особое внимание и даже контролирует меня.

– Как поживает мой старый друг? Мы еще ни разу не виделись с ним после того, как я упал с крыши гаража.

Она с удивлением и без тени улыбки взглянула на меня.

– Вы никак не можете знать доктора Цугсмита. – Кончик ее довольно бледного языка высунулся из ротика и стал украдкой искать неизвестно что.

– Я знаю одного доктора Цугсмита. Он живет в Санта-Росе.

– Нет-нет. Это доктор Альфред Цугсмит из Манхэттена. Манхэттен, штат Канзас, не нью-йоркский.

– Значит, не тот, – сказал я. – А как ваша фамилия?

– Не знаю, стоит ли называть ее вам.

– Зашли просто поглазеть?

– Очевидно, можно сказать и так. Если мне предстоит рассказывать о семейных делах совершенно незнакомому человеку, я, по крайней мере, имею право решить, заслуживает ли он доверия.

– Вам никто не говорил, что вы славная девочка?

Ее глаза за стеклами очков сверкнули.

– Этого еще не хватало.

Я взял трубку и стал набивать ее табаком.

– Вот именно, – кивнул я, – не хватало. Сбросьте эту

шляпку и наденьте изящные очки в цветной оправе. Знаете, из тех, что сужаются к вискам...

– Доктор Цугсмит не позволит мне ничего подобного, – торопливо перебила она. Потом спросила: – Вы правда так считаете? – и слегка зарделась.

Я поднес зажженную спичку к трубке и выдохнул дым через стол. Она отшатнулась.

– Если хотите нанять меня, – сказал я, – нанимайте таким, какой я есть. А если надеетесь отыскать детектива, изъясняющегося слогом рыцарских баллад, вы не в своем уме. Во время разговора я бросил трубку, однако ж вы пришли сюда. Значит, нуждаетесь в помощи. Как ваше имя и в чем ваша проблема?

Она молча таращилась на меня.

– Послушайте. Вы из Манхэттена, штат Канзас. Когда я последний раз просматривал «Всемирный альманах», это был небольшой городок рядом с Топекой. Население – около двенадцати тысяч. Вы работаете у доктора Цугсмита и разыскиваете человека по имени Оррин. Манхэттен – небольшой городок. Наверняка. В Канзасе все городки, за вычетом полудюжины, маленькие. У меня уже достаточно сведений о вас, чтобы разузнать всю вашу подноготную.

– Но зачем вам это нужно? – встревоженно спросила она.

– Мне? – ответил я. – Вовсе не нужно. Я по горло сыт людьми, рассказывающими мне свои истории. Сажу здесь только потому, что некуда пойти. И работать мне не нужно.

Ничего не нужно.

– Вы слишком много говорите.

– Да, – согласился я. – Слишком много. Одинокие мужчины всегда говорят слишком много. Или вовсе не раскрывают рта. Может, перейдем к делу? Вы не похожи на тех, кто обращается к частным детективам, тем более к незнакомым.

– Я знаю, – спокойно сказала она. – И Оррин бы очень рассердился. Мать тоже вышла бы из себя. Я просто выбрала вашу фамилию в телефонном справочнике...

– По какому принципу? – спросил я. – С открытыми глазами или закрытыми?

Она уставилась на меня, как на уродца.

– Шесть и одиннадцать, – последовал спокойный ответ.

– То есть?

– В фамилии Марлоу шесть букв, – сказала она, – а в имени и фамилии одиннадцать. Шесть плюс одиннадцать...

– Как ваше имя? – Я уже почти кричал.

– Орфамэй Квест. – Она сморщилась, будто собиралась заплакать, и произнесла свое имя по слогам. Затем торопливо, словно пришлось бы платить за отнятое у меня время, продолжила: – Я живу вместе с матерью. Отец умер четыре года назад. Сестра Лейла давно не живет с нами. – Она помолчала. – Отец был врачом. Мой брат Оррин тоже собирался стать хирургом, но, проучась два года в медицинском колледже, решил пойти в инженеры. Потом, год назад, уехал в Бэй-Сити работать в компании «Кал-Вестерн эркрафт». Не

знаю почему. У него была очень хорошая работа в Уичите. Наверное, ему захотелось пожить в Калифорнии. Этого хочется, почитай, всем.

– Почти всем, – заметил я. – Раз уж вы носите очки без оправы, то старайтесь говорить правильно.

Орфамэй хихикнула и, потупясь, провела по столу кончиком пальца.

– Вы, наверное, имели в виду раскосые очки, те, в которых становишься похожей на азиатку?

– Угу. Теперь об Оррине. Он приехал в Калифорнию, в Бэй-Сити. Ну и что же?

Она задумчиво нахмурилась. Принялась изучать мое лицо, словно никак не могла решиться. Потом слова хлынули из нее потоком:

– Мы думали, что Оррин будет регулярно писать нам. Но за полгода он прислал всего два письма матери и три мне. Последнее из них пришло несколько месяцев назад. Мы с матерью забеспокоились. Поэтому я взяла отпуск и приехала повидать его. До этого он никогда не выезжал из Канзаса. – Орфамэй умолкла. Потом спросила: – Вы не будете делать никаких записей?

Я хмыкнул.

– Мне казалось, что детективы всегда записывают полученные ими сведения в маленькие блокноты.

– Пометки сделаю, – сказал я. – Рассказывайте дальше. Вы взяли отпуск и приехали. Что потом?

– Я написала Оррину, что приезжаю, но ответа не получила. Тогда я послала ему телеграмму из Солт-Лейк-Сити, но он и на нее не ответил. Так что мне осталось только отправиться туда, где он жил. Путь очень далекий. Я ехала автобусом. Это в Бэй-Сити, Айдахо-стрит, четыреста сорок девять.

Она снова умолкла, потом повторила адрес, и я опять не записал его. Я сидел, глядя на ее очки, прилизанные каштановые волосы и нелепую шляпку, на бесцветные ногти, губы без помады и то и дело высывающийся изо рта кончик языка.

– Может, вы не знаете Бэй-Сити, мистер Марлоу?

– Ха, – ответил я. – О Бэй-Сити я знаю только то, что после каждой поездки туда мне нужно покупать новую голову. Хотите, я сам доскажу вашу историю?

– Что-о?

Глаза Орфамэй раскрылись так широко, что сквозь стекла очков казались выпученными, как у выловленной глубоководной рыбы.

– Он переехал, – сказал я. – Неизвестно куда. И вы опасаетесь, что он ведет греховную жизнь в особняке на крыше небоскреба Ридженси-Тауэрс с некой особой, облаченной в длинное норковое манто и окутанной ароматом терпких духов.

– О господи, перестаньте!

– Неужели я выражаюсь грубо?

– Прошу вас, мистер Марлоу, – сказала наконец Орфам-

эй. – Об Оррине я не думаю ничего подобного. И если б Оррин слышал вас, вы пожалели бы о своих словах. Иногда он бывает очень зловредным. Но с ним явно что-то стряслось. Этот дом с дешевыми мебелирашками очень мне не понравился. Управляющий – отвратительный тип. Сказал, что Оррин недели две назад съехал, куда – он не знает и знать не хочет, после чего изъявил желание пропустить хорошую дозу джина. Не представляю, почему Оррин стал жить в таком месте.

– Вы сказали – дозу джина? – переспросил я.

Орфамэй покраснела.

– Это управляющий. Я только передаю его слова.

– Ладно. Давайте дальше.

– Потом я позвонила туда, где Оррин работал. В компанию «Кал-Вестерн». Мне сказали, что он уволен, как и многие другие, и больше о нем ничего не известно. Тогда пошла в почтовое отделение и спросила, не оставлял ли Оррин нового адреса. Мне ответили, что они не вправе давать никаких сведений. Я объяснила, в чем дело, и тот человек сказал, что, раз я его сестра, он пойдет проверит. Пошел проверил и сказал, что нового адреса Оррин не оставил. Тут мне стало страшновато. Мало ли что могло случиться.

– Вам не пришло на ум справиться о нем в полиции?

– Я не посмела обращаться в полицию. Оррин никогда не простил бы мне. Он даже в лучшие минуты тяжелый человек. Наша семья... – Орфамэй замялась, в глазах ее что-то

мелькнуло, — наша семья не из тех...

— Послушайте, — устало сказал я, — я вовсе не думаю, что он украл бумажник. Возможно, его сшибла машина, и он потерял память или же слишком плох и не в состоянии говорить.

Орфамэй спокойно посмотрела на меня:

— Случись с ним такое, мы бы узнали. У каждого в кармане есть что-то, по чему можно установить личность.

— Иногда остаются только пустые карманы.

— Вы хотите напугать меня, мистер Марлоу?

— Если и так, то получается это у меня плохо. Так что же, по-вашему, с ним могло случиться?

Орфамэй поднесла тонкий указательный палец к губам и осторожно коснулась его кончиком языка.

— Если б я знала, что думать, то, наверное, не пришла бы к вам. Сколько вы запросите, чтобы отыскать его?

Я ответил не сразу:

— Имеется в виду, что я должен отыскать его один, ничего никому не говоря?

— Да. Ничего никому не говоря.

— Угу. Трудно сказать. Я назвал вам свои расценки.

Она сложила руки на краю стола и крепко стиснула их. Таких бессмысленных жестов, как у нее, мне почти никогда еще не приходилось видеть.

— Я думаю, раз вы детектив, то сможете найти его сразу же, — сказала она. — Самое большее, что я смогу израсходо-

вать, – это двадцать долларов. Мне нужно питаться, платить за номер в отеле, покупать обратный билет на поезд, а в отелях, сами знаете, цены жутко высокие, и питаться в поезде...

– В каком отеле вы остановились?

– Я... я не хотела бы говорить этого, если можно.

– Почему?

– Не хотела бы, и все. Жутко боюсь вспыльчивости Орри-на. И к тому же я всегда могу позвонить вам сама, разве не так?

– Угу. Ну а чего вы боитесь, кроме вспыльчивости Орри-на, мисс Квест?

Трубка у меня погасла. Я зажег спичку и поднес к чашечке, не сводя глаз с клиентки.

– А курение не очень скверная привычка? – спросила она.

– Может быть, – ответил я. – Но за двадцать долларов я не стану от нее отказываться. И не уклоняйтесь от ответов на мои вопросы.

– Не смейте так разговаривать со мной, – вскипела Орфамэй. – Курение – скверная привычка. Мать никогда не позволяла отцу курить в доме, даже последние два года, после того как с ним случился удар. Иногда он сидел с пустой трубкой во рту. Матери это очень не нравилось. У нас были большие долги, и мать говорила, что не может давать ему деньги на такую бессмысленную вещь, как табак. Церковь нуждалась в этих деньгах гораздо больше, чем он.

– Кажется, начинаю понимать, – протянул я. – В такой се-

мье, как ваша, кто-то непременно должен быть паршивой овцой.

Орфамэй вскочила, прижав к груди свою нелепую сумочку.

– Вы мне не нравитесь. Видимо, я не стану вас нанимать. А если намекаете, будто Оррин совершил что-то нехорошее, могу вас уверить, что паршивая овца в нашей семье вовсе не он.

Я даже глазом не моргнул. Орфамэй развернулась, промаршировала к двери, взялась за ручку, потом повернулась снова, промаршировала обратно и вдруг расплакалась. Реагировал я на это так же, как чучело рыбы на блесну. Орфамэй достала платочек и легонько коснулась им уголков глаз.

– А теперь вы небось позвоните в п-полицию, – протянула она дрожащим голосом. – В редакциях манхэттенских г-газет все станет известно, и они н-напечатают о нас что-нибудь отвратительное.

– Вы ничего подобного не думаете. Перестаньте играть на жалости. Покажите-ка лучше фотографию брата.

Орфамэй торопливо спрятала платочек, достала что-то из сумочки и протянула через стол мне. Оказалось, это конверт. Тонкий, но там вполне могла уместиться парочка фотографий. Заглядывать внутрь я не стал.

– Опишите его, – сказал я.

Орфамэй задумалась. Это дало ей возможность привести в движение брови.

– В марте ему исполнилось двадцать восемь. У него светло-каштановые волосы, причем гораздо светлее, чем мои, и голубые глаза – тоже посветлее моих. Волосы он зачесывает назад. Очень рослый, выше шести футов. Но весит всего сто сорок фунтов. Тощий. Носил светлые усики, но мать заставила сбрить их. Сказала...

– Можете не продолжать. Они потребовались священнику для набивки подушечки.

– Не смейте говорить так о моей матери! – взвизгнула Орфамэй, побледнев от ярости.

– Оставьте. Я вас не знаю. Но корчить из себя пасхальную лилию не стоит. Есть ли у Оррина какие-нибудь особые приметы: родинки, шрамы или вытатуированный на груди текст двадцать третьего псалма? И краснеть вовсе не обязательно.

– Незачем кричать на меня. Что же не смотрите фотографии?

– Потому что снят он, скорее всего, одетым. В конце концов, вы его сестра. Вы должны знать.

– Нету, – выдавила она. – Только маленький шрамик на левой руке – ему удаляли жировик.

– Что вы можете сказать о его привычках, кроме того, что он не курит, не пьет и не ухаживает за девушками? Каким образом он развлекается?

– Как... откуда вы узнали это?

– От вашей матери.

Орфамэй улыбнулась. А я уж было решил, что она не спо-

собна улыбаться. Зубы у нее были очень ровные, белые, и она не старалась демонстрировать их. Это уже кое-что.

– Вы догадливы, – сказала она. – Оррин много занимается, потом у него есть очень дорогой фотоаппарат, он любит снимать людей, когда те ничего не подозревают. Иногда это их бесит. Но Оррин говорит, что людям надо видеть себя такими, как они есть.

– Будем надеяться, с ним этого никогда не случится, – сказал я. – Что у него за аппарат?

– Маленький, с очень хорошей оптикой. Снимать можно при любом освещении. «Лейка».

Я полез в конверт и достал две небольшие, очень четкие фотографии.

– Снимки сделаны вовсе не «лейкой», – заметил я.

– Нет-нет. Его снимал Филип. Филип Андерсон. Молодой человек, с которым я одно время встречалась. – Орфамэй вздохнула. – Очевидно, потому-то я и обратилась к вам, мистер Марлоу. Потому что вас тоже зовут Филип.

Я буркнул: «Угу», но был слегка тронут.

– Что же случилось с Филипом Андерсоном?

– Но мы говорили об Оррине...

– Знаю, – перебил я. – Но что случилось с Филипом Андерсоном?

– Живет все там же, в Манхэттене. – Орфамэй отвела взгляд. – Матери он очень не нравился. Вы, наверное, знаете, как это бывает.

– Да, – ответил я. – Знаю. Можете заплакать, если хотите. Не стану вас упрекать. Я и сам сентиментальный плакса.

Я взглянул на фотографии. На одной Оррин смотрел вниз, и она мне была ни к чему. Другая представляла собой вполне сносный снимок высокого угловатого парня с близко поставленными глазами, тонким прямым ртом и острым подбородком. Выражение лица было таким, как я и ожидал. Если забудете вытереть ноги, этот парень напечалит вас. Отложив снимки, я взглянул на Орфамэй Квест, пытаюсь найти в ее лице хотя бы отдаленное сходство с братом, но не смог. Ни малейшего сходства, что, разумеется, ни о чем не говорило. И не могло сказать.

– Ладно, – вздохнул я. – Съезжу туда, попробую. Но вы, наверное, и сами догадываетесь, что случилось. Ваш брат живет в чужом городе. Какое-то время недурно зарабатывает. Может, побольше, чем когда-либо в жизни. Встречает людей, каких до сих пор не встречал. Притом в городе – поверьте, я знаю Бэй-Сити, – совершенно не похожем на Манхэттен в штате Канзас. Поэтому он пренебрегает всем, что ему внушали, и не хочет, чтобы дома об этом узнали. Хватит с него семейного гнета.

Орфамэй молча поглядела на меня, потом потрясла головой:

– Нет, Оррин не способен на это, мистер Марлоу.

– На это способны все, – сказал я. – Особенно такие, как Оррин. Набожный парень из маленького городка, всю жизнь

прожил под каблуком матери и надзором священника. Здесь он предоставлен сам себе. У него завелись деньги. Теперь ему подавай развлечений и света, отнюдь не того, что падает из восточного окна церкви. Не подумайте, что я осуждаю добродетельную жизнь. Я хочу сказать, что она ему осточертела. Так ведь?

Орфамэй молча кивнула.

– И он начинает пользоваться благами жизни, – продолжал я, – но не знает, как это делается. Здесь ведь тоже нужен опыт. Сходится с какой-нибудь заурядной девицей, пьет дешевое виски и чувствует себя ужасным грешником. В конце концов, парню двадцать девятый год: хочет повалиться в канаве, пусть себе. Потом он найдет, на кого свалить вину.

– Я не хочу верить вам, мистер Марлоу, – медленно произнесла Орфамэй. – Не хочу, чтобы мать...

– Если я не ошибаюсь, вами было что-то сказано о двадцати долларах, – перебил я.

Орфамэй была потрясена.

– Платить сейчас?

– А как это принято в Манхэттене, штат Канзас?

– У нас нет частных детективов. Только полиция. То есть вроде бы нет.

Она снова полезла в свою уродливую сумочку, достала красный кошелек, а из него – несколько аккуратно сложенных по отдельности ассигнаций. Три пятерки и пять долларовых бумажек. Оставалось у нее, похоже, немного. Орфам-

эЙ подержала кошелек, словно демонстрируя, как он пуст. Потом разгладила на столе деньги, сложила их стопкой и придвинула ко мне. Очень медленно, очень печально, словно топила любимого котенка.

– Сейчас напишу расписку, – сказал я.

– Мне не нужна расписка, мистер Марлоу.

– Она нужна мне. Вы не оставляете визитной карточки, так уж пусть у меня будет какая-то бумажка с вашей фамилией.

– Для чего?

– При необходимости я смогу доказать, что представляю ваши интересы.

Взяв квитанционную книжку, я заполнил бланк и протянул ей, чтобы Орфамэй подписала дубликат. Помедлив, она неохотно взяла жесткий карандаш и аккуратным секретарским почерком вывела на дубликате: «Орфамэй Квест».

– Адреса вы так и не указываете? – спросил я.

– Я бы не хотела.

– Тогда звоните в любое время. Номер моего домашнего телефона тоже есть в справочнике. «Бристол апартментс», квартира четыреста двадцать восемь.

– Вряд ли я пойду к вам в гости, – холодно сказала Орфамэй.

– Я вас пока и не приглашал. Если хотите, позвоните часа в четыре. Возможно, что-то разузнаю. А может, и нет.

Орфамэй поднялась.

– Надеюсь, мать не сочтет мой поступок дурным, – сказала она, почесывая губу ногтем без маникюра. – Я имею в виду мой приход сюда.

– Только не рассказывайте мне, чего не одобряет ваша мать, – сказал я. – Просто опускайте эти подробности.

– Ну знаете ли!

– И перестаньте говорить «Ну знаете ли!».

– Мне кажется, вы очень неприятный человек, – сказала она.

– Нет, вам этого не кажется. Вы находите меня очень симпатичным. А я нахожу вас очаровательной лгунишкой. Неужели вы думаете, что я берусь за это дело ради двадцати долларов?

Орфамэй обратила на меня немигающий, неожиданно холодный взгляд.

– Тогда почему? – И, не получив ответа, добавила: – Потому что на дворе весна?

Я опять промолчал. Она слегка покраснела. Потом хихикнула.

У меня не хватило духу сказать, что я просто устал от безделья. Может, какую-то роль сыграла тут и весна. И кое-что в ее глазах, гораздо более древнее, чем Манхэттен, штат Канзас.

– Я нахожу вас очень славным, право же, – негромко сказала Орфамэй.

Потом быстро повернулась и чуть ли не бегом бросилась

из кабинета. В коридоре ее ноги издавали легкий, резкий, отрывистый стук: так стучит, наверное, по столу ее мать, когда отец тянется за вторым куском пирога. А у отца больше нет денег. Нет ничего. Он сидит в кресле-качалке на веранде в Манхэттене, штат Канзас, держа во рту пустую трубку. Раскачивается легко, спокойно, так как после удара нужно ко всему относиться легко, спокойно. И ждать следующего. С пустой трубкой во рту. Без табака. Ничего не делать и ждать.

Я положил двадцать заработанных тяжким трудом долларов Орфамэй Квест в конверт, написал на нем ее имя и бросил в ящик стола. Выходить на улицу с такой большой суммой в кармане не хотелось.

Можно долгое время знать Бэй-Сити, не зная Айдахо-стрит. И многое знать об Айдахо-стрит, ничего не зная о доме номер 449. Площадка перед ним неравномерно вымощена булыжником. К потрескавшемуся тротуару на другой стороне улицы примыкает покосившийся забор лесосклада. Чуть подальше ржавые рельсы подходят к высоким, скрепленным цепями деревянным воротам, похоже не открывавшимся лет двадцать. Ворота и забор мальчишки исписали и разрисовали мелом.

На низкой некрашеной веранде дома в беспорядке празднично стояло пять деревянных и тростниковых кресел-качалок, скрепленных проволокой и влагой океанского воздуха. Зеленые потрескавшиеся жалюзи нижних окон были опущены на две трети. У парадной двери красовалось печатное объявление «Свободных мест нет». Висело оно, видимо, уже давно, так как выгорело и было засижено мухами. За дверью тянулся длинный коридор, из него наверх вела лестница длиной в треть коридора. Справа от двери находилась узкая полка с подвешенным на цепочке карандашом. Там же была пуговка звонка, а над ней приколотая тремя разными кнопками черно-желтая бумажная табличка «Управляющий». На противоположной стене висел телефон-автомат.

Я нажал пуговку. Звонок раздался где-то поблизости, но

за ним ничего не последовало. Я позвонил снова. Опять ничего. Тогда я подошел к двери с черно-белой, теперь уже металлической, табличкой «Управляющий». Постучал. Потом ударил в дверь ногой. Обратил на это внимание, похоже, было некому.

Я вышел, свернул за угол на узкую бетонную дорожку и направился к служебному входу. Для квартиры управляющего там, казалось, самое место. Вся остальная часть дома, очевидно, сдавалась жильцам. На маленькой веранде стояли грязное мусорное ведро и деревянный ящик, набитый бутылками из-под спиртного. Сквозь стекла было видно, что дверь на кухню распахнута. В кухне стоял полумрак. Я прижался лицом к застекленной двери веранды и стал вглядываться. Мне удалось разглядеть прямой стул с висящим на спинке мужским пиджаком, а на стуле человека в рубашке и шляпе. Замухрышку. Что он делает, не было видно, но было похоже, что этот полукарлик сидел у встроенного стола в обеденном уголке кухни.

Я постучал по стеклу. Замухрышка не обратил на это внимания. Я постучал снова, посильнее. На сей раз он откинулся назад вместе со стулом, явив мне маленькое бледное лицо с сигаретой во рту.

– Чего тебе? – рявкнул замухрышка.

– Управляющего.

– Его нету, малыш.

– А ты кто?

– Тебе-то что?

– Хочу снять комнату.

– Нету мест, малыш. Читать, что ли, не умеешь?

– У меня есть другие сведения, – сказал я.

– Вот как? – Замухрышка ногтем смахнул пепел с сигареты, не вынимая ее из маленького неприятного рта. – Ну и катись вместе с ними.

Засим он вернул стул в прежнее положение и предался прежнему занятию.

Громко топая, я спустился с крыльца и совершенно бесшумно поднялся снова. Осторожно подергал застекленную дверь. Заперта на крючок. Я поддел его лезвием складного ножа. Крючок слегка звякнул, но там, за столом, раздавалось гораздо более громкое звяканье.

Я вошел и прокрался на кухню. Там находились газовая плита с тремя конфорками, несколько полок с грязной посудой, обшарпанный холодильник и обеденный уголок, столик которого был завален деньгами. Главным образом бумажными, но были и серебряные монеты всех достоинств, вплоть до доллара. Замухрышка пересчитывал деньги, раскладывая их кучками, и делал пометки в маленьком блокноте. Карандаш он слюнявил, не вынимая изо рта сигареты.

На столе лежало, должно быть, несколько сотен долларов.

– День платежа? – добродушно осведомился я.

Замухрышка очень резко обернулся. С минуту он молча улыбался. Улыбка была нарочитой. Вынув изо рта окурок,

он швырнул его на пол и загасил ногой. Достал из кармана рубашки новую сигарету, сунул в рот и стал искать спички.

– Ловко ты вошел, – весело сказал он.

Не найдя спичек, замухрышка небрежно повернулся и полез в карман пиджака. О стул ударилось что-то тяжелое. Я ухватил его запястье, не давая вытащить эту тяжелую штуку. Замухрышка откинулся назад, и оттопыренный карман его пиджака начал подниматься ко мне.

Я выдернул из-под замухрышки стул. Ударившись головой о торец стола, замухрышка грохнулся на пол. Это не помешало ему сделать попытку ударить меня ногой в пах. Я отскочил назад вместе с его пиджаком и достал из кармана пистолет тридцать восьмого калибра.

– Вставай, – сказал я. – Не трону.

Замухрышка медленно поднялся, притворяясь, что ушибся сильнее, чем это было на самом деле. Он запустил руку за ворот, и когда в какой-то момент его рука метнулась ко мне, в ней сверкнул металл. Боевой петушок.

Я саданул замухрышку по челюсти его собственным пистолетом, и он снова плюхнулся на пол. А я наступил на державшую нож руку. Лицо замухрышки скривилось, но он не издал ни звука. Я пинком отшвырнул нож в угол. Лезвие было длинным, тонким и, похоже, очень острым.

– Как не стыдно, – сказал я, – угрожать пистолетом и ножом людям, которые просто ищут жилье. Даже в наши времена это слишком.

Замухрышка сунул свою большую руку между колен, стиснул ее и стал что-то насвистывать сквозь зубы. Видимо, удар по челюсти на нем не особенно сказался.

– Ладно, – произнес он. – Ладно. Я не мастер в этих делах. Забирай деньги и сматывайся. Но только знай, что тебе от нас никуда не деться.

Я посмотрел на ассигнации и монеты.

– Судя по твоему оружию, ты выбирал его очень тщательно, – сказал я и подошел к ведущей в дом двери. Она была не заперта. Я обернулся. – Пистолет я оставляю в почтовом ящике. В следующий раз требуй предъявить полицейский значок.

Замухрышка по-прежнему насвистывал сквозь зубы, держа руку между колен. Сощурился, он задумчиво посмотрел на меня, потом смахнул деньги в старый портфель и защелкнул его. Снял шляпу, расправил поля, небрежно нахлобучил ее на затылок и спокойно, уверенно улыбнулся:

– Пушка – черт с ней. В городе полно старых железяк. А вот нож оставь у Клозена. Я немало потрудился над ним, чтобы привести в норму.

– А он пригодится?.. – спросил я.

– Все может быть. – Он легонько потыкал в мою сторону пальцем. – Скоро, наверно, встретимся. Когда со мной будет друг.

– Только пусть наденет чистую рубашку, – сказал я. – И тебе одолжит.

– Надо же, – проворчал замухрышка. – Какими мы станем наглыми, какими остроумными, едва только нацепим полицейский значок!

Он бесшумно прошел мимо меня и спустился по деревянным ступеням. Его шаги простучали по бетонной дорожке и затихли. Они напомнили мне стук каблучков Орфамэй Квест по коридору. И у меня почему-то возникло гнетущее чувство, что я пошел не с той карты. Может, его пробудила твердость этого замухрышки: ни хныканья, ни крика, только улыбка, свист сквозь зубы, негромкий голос и злопамятный взгляд.

Я нагнулся и поднял нож. Лезвие было длинным, круглого сечения и тонким, словно отшлифованный мусат для точки ножей. Рукоять с усиками из легкого пластика, казалось, была сделана целиком. Взяв нож за эту рукоять, я бросил его острием в столешницу. Лезвие глубоко вошло в древесину и задрожало.

Я вздохнул. Вытащил лезвие. Любопытный нож, особой формы, для особой цели. И то и другое не особенно приятно.

Распахнув дверь, ведущую из кухни, я шагнул вперед, держа в одной руке нож и пистолет.

Комната с откидной кроватью. Постель измята. Туго набитое кресло с прожженной на подлокотнике дырой. У окна – придвинутый к стене высокий дубовый письменный стол с похожими на старомодные двери винного погреба покосившимися дверцами. Неподалеку от него – диван-кровать. На

нем лежал мужчина, ноги его в серых вязаных носках свисали над полом. Головой он не доставал до подушки, но сожалеть об этом, судя по цвету наволочки, не стоило. Туловище его облегали неопределенного цвета рубашка и серый заношенный шерстяной свитер. Лицо мужчины лоснилось от пота, дышал он открытым ртом, пыхтя, как старый «форд» с неплотной верхней прокладкой. Рядом на столике стояла тарелка, полная окурков. Некоторые из них, похоже, были от самокруток. На полу – слегка початая бутылка джина, кофейная чашка, где, судя по всему, давно уже не бывало кофе, и стакан. Пахло в комнате главным образом джином и затхлостью, но ощущался и легкий запах марихуаны.

Я открыл окно и прислонился лбом к противомоскитной сетке, чтобы вдохнуть чистого воздуха и оглядеть улицу. Вдоль забора катались на велосипедах двое мальчишек. Время от времени они останавливались и разглядывали непристойные рисунки. Больше на улице никого не было. Даже собак. На углу вилась пыль, словно только что проехала машина.

Я подошел к письменному столу. В ящике оказалась регистрационная книга. Я стал листать, пока не наткнулся на запись: «Оррин П. Квест», сделанную четким, аккуратным почерком, и «номер 214», написанную другой рукой, отнюдь не четко и не аккуратно. Я пролистал книгу до конца, но новой регистрации не обнаружил. Номер 215 занимал некий Дж. У. Хикс. Сунув книгу на место, я подошел к диван-кро-

вати. Лежавший перестал храпеть и, словно произнося речь, положил руку себе на грудь. Я нагнулся, зажал ему пальцами нос и заткнул рот подолом свитера. Мужчина проснулся, резко открыл тусклые, налитые кровью глаза и стал вырываться. Убедившись, что он полностью очнулся, я отпустил его, взял с пола бутылку, налил немного джина в валявшийся рядом стакан и протянул ему.

Он потянулся к стакану с восхитительным волнением матери, радующейся нашедшемуся ребенку.

Я отдернул вожделенную посудину и спросил:

– Ты управляющий?

Вяло облизнув губы, мужчина пробормотал:

– Гр-р-р...

Потом он попытался выхватить стакан у меня из рук. Я поставил его перед ним на столик. Мужчина бережно взял посудину двумя руками и вылил джин в рот. Потом он довольно засмеялся и запустил в меня стаканом. Я ухитрился поймать посудину и снова поставил ее на столик. Мужчина, старательно, но безуспешно напуская на себя суровый вид, оглядел меня.

– Чего тебе? – недовольно прохрипел он.

– Управляющий?

Мужчина кивнул и едва не свалился на пол.

– Видать, хватил лишнего, – сказал он. – Самую малость.

– Ничего, – утешил я. – Еще дышишь.

Он опустил ноги на пол, с трудом встал, ни с того ни с сего

весело захихикал, сделал три неуверенных шага, опустился на четвереньки и попытался укусить ножку стула.

Я поднял его, усадил в кресло с прожженным подлокотником и налил еще один глоток лекарства от похмелья. Он выпил, сильно содрогнулся, и взгляд его сразу же стал осмысленным и хмурым. У пьяниц такого типа бывают минуты прояснения. Предвидеть, когда оно наступит и как долго продлится, невозможно.

– Кто ты такой, черт возьми? – пробурчал он.

– Я ищу человека по имени Оррин П. Квест.

– Кого?

Я повторил. Управляющий провел ладонью по лицу и кратко ответил:

– Съехал.

– Когда?

Он махнул рукой, чуть не свалился с кресла и, чтобы сохранить равновесие, тут же махнул в другую сторону.

– Дай выпить.

Держа стакан так, чтобы он не мог до него дотянуться, я налил еще одну дозу джина.

– Дай, – заканючил управляющий. – Мне очень плохо.

– От тебя требуется лишь нынешний адрес Оррина П. Квеста.

– Подумать только, – съязвил он и тщетно попытался выхватить у меня очередную порцию.

Поставив стакан на пол, я протянул ему свою визитную

карточку:

– Это поможет тебе сосредоточиться.

Он поглядел на карточку в упор, ухмыльнулся, сложил ее пополам, потом еще раз, подержал на ладони, плюнул на нее и бросил через плечо.

Я протянул ему джин. Он выпил за мое здоровье, торжественно кивнул и отправил стакан вслед за карточкой. Стакан покатился по полу и стукнулся о плинтус. Управляющий с удивительной легкостью встал, поднял большой палец, сжал остальные и издал резкий звук языком и зубами.

– Проваливай. У меня есть друзья, – сказал он, бросил взгляд на телефон, прикрепленный к стене, потом ехидно глянул на меня. – Парочка ребят, способных разделаться с тобой, – фыркнул он.

Я промолчал.

– Что, не веришь? – внезапно рассердясь, зарычал он.

Я покачал головой.

Управляющий метнулся к телефону, схватил трубку и набрал пятизначный номер: я следил за ним. Один – три – пять – семь – два.

На этом силы управляющего иссякли. Он разжал пальцы, трубка выпала и ударилась о стену. Он сел на пол, приложил трубку к уху и прорычал, обращаясь к стене:

– Позови Дока.

Я молча слушал.

– Винс! Док! – сердито крикнул управляющий, потряс

трубку и отшвырнул в угол. Затем встал на четвереньки и пополз по кругу. Когда он увидел меня, на его лице отразились удивление и недовольство. Он поднялся на нетвердых ногах и протянул руку. — Дай выпить.

Подняв с пола пустой стакан, я вылил туда все, что осталось в бутылке. Управляющий принял его с достоинством, словно пьяная вдова титулованной особы, демонстративно выпил до дна, спокойно подошел к диван-кроватьи и лег, положив вместо подушки под голову стакан. Уснул он мгновенно.

Я повесил телефонную трубку, выглянул на кухню, потом обшарил спящего и достал из кармана ключи. Среди них была и отмычка. На двери в коридор был пружинный замок, я поставил его на кнопку, чтобы войти снова, и стал подниматься по лестнице. По пути я остановился и записал на клочке бумаги: «Док – Винс. 13572». Возможно, какая-никакая улика.

Пока я поднимался, в доме было совершенно тихо.

Хорошо отшлифованной отмычкой управляющего замок комнаты 214 открылся бесшумно. Я распахнул дверь. Комната оказалась не совсем пустой. Коренастый, крепко сложенный мужчина, стоя спиной к двери, склонялся над лежащим на кровати чемоданом. На покрывале были сложены рубашки, носки, белье. Он неторопливо, старательно укладывал их, негромко монотонно насвистывая сквозь зубы.

Когда скрипнули дверные петли, мужчина замер. Руки его метнулись к подушке.

– Прошу прощения, – извинился я. – Управляющий сказал, что комната свободна.

Мужчина был лысым, как грейпфрут. На нем были темно-серые фланелевые брюки с прозрачными пластиковыми подтяжками и голубая рубаха. Он быстро поднес руки к голове и обернулся. Теперь у него появились волосы.

Гладкие, каштановые, без пробора, они совершенно не походили на парик. Мужчина сверкнул на меня глазами:

– Не мешало бы постучать.

Голос его был низким, широкое настороженное лицо говорило о том, что ему не раз приходилось бывать в переделках.

– С какой стати? Если мне сказали, что здесь никого нет. Он удовлетворенно кивнул. Блеск в его глазах исчез.

Я без приглашения сделал несколько шагов вперед. На постели возле чемодана лежал вверх обложкой раскрытый журнал для мужчин. В зеленой стеклянной пепельнице дымилась сигарета. Комната была аккуратно обставленной и для этого дома чистой.

– Управляющий, видимо, думает, что вы уже съехали, – сказал я, стараясь выглядеть искренним и добродушным.

– Через полчаса меня здесь не будет, – сказал мужчина.

– Можно осмотреть комнату?

Он невесело усмехнулся:

– Недавно приехал в Бэй-Сити?

– А что?

– И здесь только появился?

– А в чем дело?

– Приглянулся дом и округа?

– Не особенно, – ответил я. – А комната вроде ничего.

Мужчина усмехнулся, обнажив очень белую по сравнению с другими зубами фарфоровую коронку.

– И долго ты ходишь тут и смотришь комнаты?

– Только начал, – ответил я. – К чему все эти вопросы?

– Ты меня насмешил, – без смеха сказал мужчина. – В этом городе не до разглядывания комнат. Хватаешь что подворачивается, не глядя. Сейчас тут столько народу, что за весть о свободной комнате я мог бы получить десять долларов.

– Вот незадача, – сказал я. – Про эту комнату мне поведал

Оррин П. Квест. Так что десятки тебе не обломится.

– Вот как?

Мой собеседник даже не моргнул глазом. Не шевельнул ни единой мышцей лица. Словно черепаха.

– Ты лучше не хами, – сказал он. – Мне хамить опасно.

Взяв из пепельницы свою сигарету, он выпустил тонкую струйку дыма. Неприязненно поглядел на меня сквозь нее серыми глазами. Я тоже достал сигарету и почесал ею подбородок.

– А что происходит с теми, кто вам нахамит? – поинтересовался я. – Заставляете их подавать вам парик?

– Оставь мой парик в покое, – злобно ответил мужчина.

– Виноват, – сказал я.

– У входа висит объявление «Мест нет». Почему же ты пришел сюда искать комнату?

– Вы не расслышали меня, – сказал я. – Оррин П. Квест.

Имя я произнес отчетливо. Но это не улучшило его настроения. Наступила мертвая тишина.

Мужчина внезапно повернулся и сунул в чемодан стопку носовых платков. Когда он обернулся снова, взгляд его был, мягко говоря, настороженным. Да и все лицо дышало настороженностью.

– Оррин – твой друг? – небрежно спросил лысый.

– Вместе росли, – ответил я.

– Тихий парень, – неторопливо сказал мой собеседник. – Я с ним не вожусь. Он вроде работает в компании «Кал-Ве-

стерн»?

– Работал, – сказал я.

– Вот как. Уволился?

– Выперли.

Мы продолжали смотреть друг на друга. Это ни к чему нас не привело. И он, и я повидали многих людей, чтобы ждать от этого чуда.

Собеседник снова сунул в рот сигарету и сел на кровать рядом с чемоданом. Заглянув в этот чемодан, я увидел выглядывающий из-под небрежно свернутых трусов квадратный торец рукоятки пистолета.

– Квест не живет здесь уже десять дней, – задумчиво произнес мой собеседник. – И думает, что комната до сих пор не занята.

– Судя по регистрационной книге, она свободна, – заметил я.

Собеседник презрительно фыркнул:

– Этот пьянчуга небось уже месяц не заглядывал в книгу. Слушай... постой, постой.

Взгляд его стал пристальным, а рука поползла к чемодану и лениво поправила что-то возле пистолета. Когда он убрал руку, пистолет был уже не виден.

– Я с утра какой-то рассеянный, вот сразу и не допер, – сказал он. – Ты сыщик. Что вынюхиваешь?

– Совершенно ничего. Просто захотелось узнать, как вы оказались в этой комнате.

– Перебрался из двести пятнадцатой напротив. Эта получше. Вот и все. Ничего загадочного. Удовлетворен?

– Полностью, – ответил я, глядя на руку, которая могла оказаться и возле пистолета.

– Откуда ты? Из городской полиции? Покажи значок.

Я промолчал.

– Не верю, что у тебя нет значка.

– Покажи я его, вы вполне можете заявить, что это подделка. Значит, ваша фамилия Хикс?

На его лице отразилось удивление.

– Джордж У. Хикс, – сказал я. – Так записано в регистрационной книге. Комната двести пятнадцать. Вы только что сказали, что перебрались оттуда. Будь здесь у вас классная доска, я записал бы эти слова.

– Давай уж не будем играть в прятки, – сказал мой собеседник. – Верно, я Хикс. Рад познакомиться. Как твоя фамилия?

Он протянул мне руку. Я пожал ее, но без особого энтузиазма.

– Марлоу. Филип Марлоу.

– Знаешь что, – вежливо сказал Хикс, – ты ужасный лгун.

Я засмеялся ему в лицо.

– Смешками ничего не добьешься, малыш. Что ты за птица?

Я вынул бумажник и протянул ему визитную карточку. Он внимательно изучил ее и постукал ребром карточки по

фарфоровой коронке.

– Может, он куда уехал, только мне не сказал, – съехидничал Хикс.

– Грамматика у вас такая же скверная, как и парик, – сказал я.

– Лучше оставь парик в покое! – крикнул он.

– Да не съем я его. Не настолько уж голоден.

Хикс, выставив правое плечо, шагнул вперед и, опустив губу, злобно зарычал.

– Не бейте меня. Я застрахован, – сказал я.

– Тьфу ты черт! Все шуточки, шуточки. – Он пожал плечами и вернул губу на место. – Что у тебя за дело?

– Ищу Оррина П. Квеста.

– Зачем?

Я не ответил.

Помолчав, Хикс сказал:

– Ладно. Я и сам осторожный человек. Потому и съезжаю отсюда.

– Не нравится дым марихуаны?

– И дым, – спокойно сказал он, – и еще кое-что. Потому-то Квест и убрался отсюда. Человек он приличный. Как и я. Думаю, что несколько крепких парней нагнали на него страху.

– Понятно, – сказал я. – То-то он не оставил нового адреса. А с какой стати было его пугать?

– Ты ведь только что говорил о марихуане. Он же такой тип, что мог донести в полицию.

– В Бэй-Сити? – спросил я. – На кой это ему? Что ж, спасибо, мистер Хикс. Далеко уезжаете?

– Нет, – ответил он. – Не особенно. Не дальше, чем нужно.

– Чем промышляете?

– Промышляю? – Хикс скорчил обиженную гримасу.

– Ну да. Что изымаете у людей? Как добываете деньги?

– Ты заблуждаешься на мой счет, братец. Я оптометрист на пенсии.

– Тогда зачем вам пистолет? – Я указал на чемодан.

– Нечего тут строить догадки, – кисло ответил Хикс. – Это фамильная ценность.

И снова взглянул на мою визитную карточку.

– Частный детектив, вот как? – сказал он задумчиво. – Какой работой в основном занимаешься?

– Любой относительно честной, – ответил я.

Хикс кивнул:

– «Относительно» – понятие растяжимое. И «честная» – тоже.

Я хмуро покосился на него:

– Вы совершенно правы. Давайте в один прекрасный день встретимся и подрастянем их.

Потом вырвал свою карточку из его пальцев и сунул в карман.

– Спасибо, что уделили мне время.

Я вышел, закрыл дверь и постоял у нее, прислушиваясь. Не знаю, что я надеялся услышать. Ничего и не услышал. У

меня создалось впечатление, что Хикс стоит на том же месте, глядя на дверь. Громко топая, я пошел по коридору и остановился у лестницы.

Мимо фасада проехал автомобиль. Где-то закрылась дверь. Я тихо вернулся к комнате 215, открыл отмычкой замок и вошел. Бесшумно закрыв и заперев дверь, я стал ждать у косяка.

Джордж У. Хикс оставался в комнате не больше двух минут. Вышел он так тихо, что я не услышал бы, если бы не ждал этого. Легкий металлический щелчок поворачивающейся дверной ручки. Неторопливые шаги. Дверь очень осторожно закрылась. Шаги удалились. Вдали еле слышно закрипели ступени. Потом тишина. Я ждал, когда хлопнет парадная дверь. Но она не хлопала. Я вышел и снова направился к лестнице. Снизу слышалось, как кто-то осторожно дергает дверь. Я глянул вниз и увидел, что Хикс входит в квартиру управляющего. Дверь за ним закрылась. Я ждал, что послышатся голоса. Никаких голосов.

Пожав плечами, я вернулся в номер 215.

Комната производила впечатление жилой. На туалетном столике небольшой радиоприемник, под незастланной кроватью обувь, на потрескавшийся зеленый абажур, чтобы свет сквозь щели не резал глаза, брошен старый халат.

Я осмотрел все, словно оно могло что-то означать, потом вышел и запер дверь. Затем совершил еще одно паломничество в номер 214. Дверь на сей раз была не заперта. Я торопливо, но тщательно обыскал комнату и не нашел никаких следов Оррина П. Квеста. Да и не надеялся найти. Для такой надежды не было оснований. Но произвести осмотр никогда не мешает.

Спустившись по лестнице, я прислушался у квартиры управляющего. Ничего не услышав, я вошел и положил на письменный стол ключи. Лестер Б. Клозен в бесчувственном состоянии лежал на диван-кровати лицом к стене. Обыскав письменный стол, я обнаружил старую бухгалтерскую книгу, в которой, видимо, отмечались только квартирная плата и текущие расходы. Бросил взгляд на регистрационную книгу, не заполненную по нынешний день, что вполне объяснялось состоянием лежащего на диван-кровати управляющего. Оррин П. Квест съехал. Кто-то другой занял его комнату. А кто-то еще занимал комнату, записанную за Хиксом. За-мухрышка, считавший деньги на кухне, прекрасно ладил с жильцами. То, что он не расставался с ножом и пистолетом, было просто безобидной эксцентричностью, не требующей на Айдахо-стрит никаких комментариев.

С крючка рядом со столом я снял тонкий телефонный справочник Бэй-Сити. Найти человека с прозвищем Док или Винс и телефонным номером 13572 представлялось не такой уж сложной задачей. Я стал вновь листать регистрационную книгу. И правильно сделал. Страница, где был записан Оррин П. Квест, оказалась вырванной. Осторожный человек мистер Джордж У. Хикс. Весьма осторожный.

Закрыв регистрационную книгу, я посмотрел на Лестера Б. Клозена, поморщился от затхлости, тошнотворно-сладковатого запаха джина и чего-то еще и направился к двери. Возле нее у меня впервые мелькнула какая-то мысль. Мерт-

вецки пьяный человек должен громко храпеть. Вовсю, с перерывами, бульканьем и рычанием. Но Клозен не издавал ни звука. Затылок его и плечи были прикрыты небрежно наброшенным коричневым солдатским одеялом. Вид у него был очень уютный, очень спокойный. Я подошел и склонился над ним. Одеяло на затылке почему-то оттопырилось. Я приподнял его. Из затылка мистера Лестера Б. Клозена торчала желтая четырехгранная рукоятка. На одной грани было напечатано: «Привет от скобяной компании Крамсена». Торчала рукоять чуть пониже затылочной кости.

Это была рукоятка пещни для колки льда...

Неторопливо, со скоростью тридцати пяти миль в час, я уехал из этого района. На окраине города я зашел в телефонную будку рядом с шоссе и позвонил в управление полиции.

– Полиция Бэй-Сити. У телефона Мут, – произнес мягкий голос.

– Айдахо-стрит, четыреста сорок девять, – сказал я. – В квартире управляющего. Фамилия Клозен.

– Да? – произнес тот же голос. – Ну и что же нам делать?

– Не знаю, – ответил я. – Для меня это загадка. Но зовут этого человека Лестер Б. Клозен. Ясно?

– Почему это так важно? – без малейшей подозрительности произнес мягкий голос.

– Коронеру нужно будет знать, – сказал я и повесил трубку.

Возвратясь в Лос-Анджелес, я заперся в конторе с телефонным справочником Бэй-Сити. И через четверть часа установил, что телефон 13572 принадлежит некоему доктору Винсенту Лагарди, именующему себя невропатологом, дом его и приемная находятся на Вайоминг-стрит, не в самом лучшем районе, судя по моей карте, но и не совсем за его пределами. Заперев справочник в стол, я отправился в аптеку на углу, съел бутерброд, выпил чашку кофе и из автомата позвонил доктору Винсенту Лагарди. Ответила женщина, и, чтобы поговорить с самим доктором, мне пришлось проявить настойчивость. Голос его звучал нетерпеливо. Он заявил, что очень занят, ведет осмотр пациента. Я ни разу не говорил ни с одним врачом, который не вел бы осмотра. Знал ли доктор Лестера Б. Клозена? Нет, никогда не слышал о нем. А почему меня это интересует?

– Мистер Клозен звонил вам сегодня утром, – сказал я. – Он был очень пьян, и язык у него заплетался.

– Но я не знаю мистера Клозена, – холодно ответил доктор.

– Ну тогда все в порядке, – сказал я. – Мне только хотелось удостовериться. Кто-то всадил ему в затылок пешню.

Пауза. Потом доктор вежливым до елейности тоном спросил:

– Полиция об этом извещена?

– Конечно, – ответил я. – Но вас это не должно заботить – если только пешня не ваша.

Это предположение доктор отверг. И вкрадчиво поинтересовался:

– А с кем я говорю?

– Моя фамилия Хикс, – ответил я. – Джордж У. Хикс. Я только что убрался оттуда. Не желаю впутываться в такие дела. Решил, что это может заинтересовать вас, потому что Клозен пытался дозвониться вам – само собой, еще до убийства.

– Мне очень жаль, мистер Хикс. Но мистера Клозена я не знаю. Никогда не слышал о нем и не сталкивался с ним. Память на имена у меня прекрасная.

– Что ж, отлично. И теперь уже не столкнетесь. Но кое у кого может возникнуть вопрос, почему он вам звонил, – если я не забуду об этом сообщить.

Наступила мертвая пауза. Потом доктор Лагарди произнес:

– По этому поводу мне нечего сказать.

– Мне тоже. Возможно, я вам еще позвоню. Поймите меня правильно, доктор Лагарди. Это не вымогательство. Я просто маленький, сбившийся с пути человек, которому нужен друг. Мне кажется, что доктор – как и священник...

– Я полностью к вашим услугам, – сказал доктор Лагарди. – Пожалуйста, приезжайте ко мне на консультацию без

церемоний.

– Спасибо, доктор, – горячо поблагодарил я. – Большое, большое спасибо.

И повесил трубку. Если доктор Винсент Лагарди говорил правду, он позвонит в полицейское управление Бэй-Сити и все расскажет. Если не позвонит, значит врал. Может, имело бы смысл узнать это, может, и нет.

Телефон на моем письменном столе зазвонил ровно в четыре.

– Вы уже нашли Оррина, мистер Марлоу?

– Пока нет. Где вы?

– Да я в аптеке, рядом с...

– Поднимайтесь сюда и перестаньте корчить из себя Мату Хари.

– Вы хоть с кем-то бываете вежливым? – спросила Орфамэй.

Я повесил трубку и для поддержания духа перед разговором налил «Олд форестер». Глотая бурбон, я услышал шаги Орфамэй по коридору. Подошел к двери и распахнул ее.

– Входите в эту дверь, чтобы не соваться в толпу.

Орфамэй села и со сдержанным видом приготовилась слушать.

– Мне только удалось выяснить, – сказал я, – что в этом притоне на Айдахо-стрит торгуют наркотиками. Сигаретами с марихуаной.

– Да что вы! Какая гадость!

– Нужно принимать в жизни и хорошее и плохое, – заметил я. – Оррин, должно быть, узнал что-то и пригрозил донести в полицию.

– Вы имеете в виду, – спросила она в своей детской мане-

ре, — что с ним за это могли расправиться?

— Скорее всего, для начала просто припугнули.

— Нет, мистер Марлоу, Оррина на испуг не возьмешь, — решительно возразила Орфамэй. — Когда на него давят, он только становится зловредным.

— Не спору. Но мы говорим о разных вещах. Напугать можно любого — если взяться за дело умеючи.

— Нет, мистер Марлоу, — упрямо повторила она. — Оррина на испуг не возьмешь.

— Ну ладно, — сказал я. — Не возьмешь, так не возьмешь. А если б ему отрезали ногу и били ею по его же голове? Как бы он повел себя после этого — стал бы писать в бюро по улучшению деловой практики?

— Вы насмехаетесь надо мной, мистер Марлоу, — вежливо сказала Орфамэй. Голос ее был холоден, как суп в пансионе. — Это все, что вы сделали за целый день? Выяснили, что Оррин съехал и что жил он в дурном окружении? Да я и без вас это знала, мистер Марлоу. Я полагала, что раз уж вы детектив...

Она не договорила, предоставив мне догадываться об остальном самому.

— Нет, не все, — сказал я. — Еще я подпоил джином управляющего, просмотрел регистрационную книгу и побеседовал с человеком по фамилии Хикс. Джордж У. Хикс. Он носит парик. Вы, скорее всего, не встречались с ним. Он занимает, вернее, занимал комнату Оррина. И я подумал, что... —

Теперь настал мой черед не договорить.

Орфамэй уставилась на меня бледно-голубыми, увеличенными линзами очков глазами. Маленький рот ее был твердо сжат, руки, лежавшие на квадратной сумочке, стискивали край стола, поза была высокомерной, напыщенной, церемонной и осуждающей.

– Вы получили от меня двадцать долларов, мистер Марлоу, – холодно сказала она. – Насколько я поняла, это оплата работы за день. Мне кажется, своей работы вы не выполнили.

– Не выполнил. Что правда, то правда. Но день еще не истек. А о двадцати долларах не беспокойтесь. Если угодно, можете получить их назад. Они даже не помялись.

Открыв ящик стола, я вынул деньги, положил на стол и придвинул к ней. Она посмотрела на них, но не притронулась. Медленно подняла голову и уставилась мне в глаза.

– Вы не так меня поняли. Я знаю, мистер Марлоу, что вы делаете все возможное.

– С теми сведениями, какими располагаю.

– Но я сказала вам все, что мне известно.

– Не думаю, – ответил я.

– Что вы думаете, – язвительно сказала Орфамэй, – это ваше дело. В конце концов, зачем бы я обращалась к вам, если б знала то, что мне нужно?

– Я не говорю, что вы знаете все, что вам нужно. Речь идет о том, что я не знаю всего нужного мне для выполнения работы. И в том, что я услышал от вас, меня кое-что смущает.

– Что смущает? Я сказала вам правду. Оррин – мой брат. Мне ли не знать его.

– Долго он работал в компании «Кал-Вестерн»?

– Я говорила вам. Оррин приехал в Калифорнию около года назад. И сразу же стал работать, потому что еще до отъезда подыскал себе место.

– Часто он писал домой? До того, как перестали приходить письма?

– Каждую неделю. Иногда чаще. Поочередно то матери, то мне. Само собой, письма были для нас обеих.

– О чем?

– Вы хотите узнать, о чем он писал?

– А что же еще?

– Не будьте таким резким. Писал о работе, о заводе, о людях, работающих там, иногда о представлении, на котором побывал. Или о Калифорнии. И о церкви тоже.

– А о девушках?

– По-моему, Оррин мало интересовался девушками.

– И все время жил на одном месте?

Орфамэй недоуменно кивнула.

– Когда он перестал писать?

Над этим вопросом пришлось задуматься. Орфамэй поджала губы и подперла нижнюю кончиком пальца.

– Месяца три-четыре назад, – наконец сказала она.

– Каким числом было датировано последнее письмо?

– Я... я не могу назвать точную дату. Пришло оно, как я

сказала, три-четыре ме...

Я прервал ее взмахом руки:

– Было там что-нибудь необычное? В строках или между строк?

– Да нет. Вроде бы оно ничем не отличалось от других писем.

– В Калифорнии у вас нет родственников или знакомых?

Орфамэй как-то странно поглядела на меня, хотела что-то сказать, потом резко потрясла головой:

– Нет.

– А где живет ваша сестра Лейла?

– При чем здесь она? – вскипела Орфамэй. – Я ищу своего брата. И думала, что раз вы детектив...

– Так. Теперь я скажу, что меня смущает. Не стану касаться того, что вы скрываете, где остановились. Возможно, это просто из опасения, что я вдруг заявлюсь к вам с бутылкой спиртного и начну приставать.

– Говорить так не очень-то деликатно, – заявила Орфамэй.

– Все, что я говорю, неделикатно. Я не деликатен. По вашим меркам, деликатным может быть лишь тот, у кого под мышкой не меньше трех молитвенников. Но зато я дотошен. Портит всю эту картину то, что вы почему-то ничего не боитесь. Ни лично вы, ни ваша мать. А вам бы нужно очень бояться.

Орфамэй тонкими пальцами крепко стиснула сумочку и

прижала ее к груди.

– Вы хотите сказать, с ним что-то случилось?

Голос ее упал до печального шепота, как у гробовщика, требующего плату вперед.

– Насколько мне известно – ничего. Но я не представляю, как можно, зная, что за человек этот ваш Оррин, несколько месяцев не наводить о нем никаких справок. Не представляю, как можно не обратиться в полицию, где есть отдел розыска пропавших без вести. И явиться к работающему в одиночку детективу, о котором вы никогда ничего не слышали, с просьбой порыться в мусорной куче. Не представляю, как ваша добрая старая матушка неделю за неделей сидит в Манхэттене, штат Канзас, штопая зимнее белье священнику. От Оррина нет писем, нет никаких вестей. А она лишь вздыхает и принимается за очередные кальсоны.

Орфамэй подскочила и бросилась в наступление.

– Вы гадкий, отвратительный человек, – гневно заявила она. – Вы просто мерзавец. Не смейте говорить, что мы с матерью не волновались. Не смейте.

Я еще ближе придвинул к ней лежащие на столе деньги.

– Цена ваших волнений – двадцать долларов, милочка. Но перейдем к тому, о чем вы умалчиваете. Мне, пожалуй, и ни к чему это знать. Суньте эти денежки в свою седельную сумку и забудьте о моем существовании. Завтра можете предложить их взаймы другому детективу.

Орфамэй убрала деньги и злобно щелкнула замком.

– Вряд ли мне удастся забыть ваше хамство. Еще никто на свете со мной так не разговаривал.

Я встал и вышел из-за стола.

– Не придавайте моему хамству особого значения. А то, чего доброго, оно вам понравится.

Протянув руку, я снял с нее очки. Орфамэй сделала полшага назад, пошатнулась, и я машинально подхватил ее. Округлив глаза, она двумя руками уперлась мне в грудь и толкнула. Котенок и то мог бы толкнуть сильнее.

– Без очков эти глаза поистине прекрасны, – произнес я благоговейным тоном.

Орфамэй расслабилась, откинула голову назад и чуть приоткрыла губы.

– Небось вы поступаете так со всеми клиентками, – негромко сказала она.

Руки ее упали. Сумочка ударилась о мою ногу. Орфамэй всей своей тяжестью повисла на моей руке. Если она давала понять, что хочет высвободиться, то перепутала способы выражения желаний.

– Нельзя же было допустить, чтобы вы потеряли равновесие, – сказал я.

– Я знала, что вы предусмотрительны.

Она расслабилась еще больше. Голова ее запрокинулась. Веки опустились и чуть подрагивали, губы приоткрылись еще шире. На них появилась легкая обольстительная улыбка, учиться которой не нужно.

– Небось подумали, я нарочно.

– Что – нарочно?

– Ну, пошатнулась.

– Уф-ф!

Орфамэй быстро обняла меня за шею и притянула к себе. Я поцеловал ее. В противном случае пришлось бы ударить. Она на долгую минуту крепко прижала свои губы к моим, потом спокойно изогнулась в моих объятиях и очень удобно угнездилась в моих руках. Издавала легкий долгий вздох.

– В Манхэттене, штат Канзас, вас могли бы арестовать за это.

– По справедливости меня нужно было бы арестовать лишь за появление там.

Хихикнув, Орфамэй притронулась пальцем к кончику моего носа.

– Вы небось предпочитаете легкомысленных девушек, – сказала она. – Что ж, зато вам, по крайней мере, не придется стирать помаду. Может, в следующий раз я подкрашу губы.

– Может, сядем на пол, – предложил я. – Рука у меня начинает уставать.

Она снова хихикнула и грациозно высвободилась.

– Небось, думаете, что я много целовалась.

– Как и всякая девушка.

Орфамэй кивнула и, чуть сощурилась, поглядела на меня снизу вверх.

– Девушки целуются даже на церковных собраниях.

– Иначе не было б никаких церковных собраний.

Мы посмотрели друг на друга без особого выражения.

– Что ж... – наконец заговорила Орфамэй, но я перебил ее, вернув ей очки. Она их надела, потом открыла сумочку, погляделась в зеркальце, снова порылась и что-то вынула из сумки, зажав в кулак. – Извините меня за вредность, – сказала она и сунула что-то под лежавший на столе журнал записей.

Потом еще раз слегка улыбнулась мне, четким шагом подошла к двери и распахнула ее.

– Я позвоню, – ласково сказала она. Потом вышла и застучала каблучками по коридору.

Я поднял журнал и разгладил лежавшие под ним скомканные купюры. Поцелуй был не бог весть каким, но все же я получил новую возможность заработать двадцать долларов.

Едва я вспомнил о мистере Лестере Б. Клозене, как зазвонил телефон. Я рассеянно поднял трубку. Голос был резким, но глухим, нечетким, словно проходил через штору или длинную седую бороду.

– Марлоу?

– Слушаю.

– У тебя есть сейф, Марлоу?

Мне уже надоело быть вежливым.

– Кончайте спрашивать и начинайте излагать, – ответил я.

– Я задал тебе вопрос, Марлоу.

– А я не ответил. И все тут.

Протянув руку, я нажал рычаг на телефонном аппарате и не отпускал его, пока закуривал сигарету. Я знал, что этот человек позвонит снова. Некоторым людям необходимо произнести заключительную реплику. Когда звонок раздался опять, я снял трубку и заговорил первым:

– Если у вас есть предложение, скажите, в чем оно состоит. И пока я не получил от вас никаких денег, обращайтесь ко мне «мистер».

– Не надо так горячиться, дружище. Я попал в переделку. Мне нужна помощь. Необходимо спрятать кое-что в надежном месте. На несколько дней. Не больше. А ты быстро заработаешь немного денег.

– Как немного? – спросил я. – И как быстро?

– Сотню. Она здесь, дожидается. Я грею ее к твоему приходу.

– Слышу, как она мурлычет, – сказал я. – Где это «здесь»?

Ответ я выслушал дважды: когда я слушал голос и когда он эхом отдавался у меня в голове.

– Отель «Ван Нуйс», номер триста тридцать два. Два частых стука в дверь и два редких. Не особенно громких. И пошевеливайся. Когда сможешь...

– Что нужно прятать в сейф?

– С этим подождем, пока не приедешь. Я сказал, что спешу.

– Как ваша фамилия?

– Номер триста тридцать два, это все.

– Спасибо, что позвонили, – сказал я. – До свидания.

– Эй, эй! погоди, недотепа. Это не краденое, как ты подумал. Не алмаз, не изумрудные подвески. Просто для меня это стоит больших денег – и ничего для всех остальных.

– Сейф есть в отеле.

– Хочешь умереть бедняком, Марлоу?

– Почему бы и нет? Умер же Рокфеллер. Еще раз до свидания.

Голос изменился. Мягкость его исчезла. Он произнес быстро и резко:

– Как делишки в Бэй-Сити?

Я не ответил. Молча ждал. Послышалось, как в телефоне-автомате звякнула монета.

– Думаю, это может заинтересовать тебя, Марлоу. Номер триста тридцать два. Кати сюда, дружище. И побыстрее.

Раздался щелчок. Я повесил трубку. Со стола ни с того ни с сего скатился карандаш и сломался, ударившись о ножку стола. Я поднял его и старательно заточил в привинченной к оконной раме точилке. Потом положил его в корзину на столе и отряхнул руки. Мне некуда было девать время. Я поглядел в окно. И ничего не увидел. Ничего не услышал.

А потом и вовсе ни с того ни с сего мне привиделось лицо Орфамэй Квест, в очках, ухоженное, подкрашенное, с белокурыми, взбитыми высоко над перехваченным лентой лбом волосами. И с альковными глазами. Глаза у всех у них непременно должны быть альковными. Я сделал попытку крупным

планом представить себе, как в это лицо зубами впивается некий самец из пользующегося дурной славой многолюдного бара «Романовф».

Путь до отеля «Ван Нуйс» занял у меня двадцать минут.

Когда-то этот отель, несомненно, отличался своеобразной изысканностью. Но она давно уже ушла в прошлое. Застарелый запах сигарного дыма с давних пор стойко держался в вестибюле, как и грязная позолота на потолке и продавленные кожаные кресла. Мраморная доска стала от времени желто-коричневой. Но ковровая дорожка была новой, жесткой с виду, как и портье. Пройдя мимо него, я направился к табачному киоску в углу, выложил двадцать пять центов и попросил пачку «Кэмел». За прилавком стояла соломенная блондинка с усталыми глазами и тонкой шеей. Она положила передо мной сигареты, прибавила к ним спички и бросила сдачу в стоявшую на прилавке коробку с прорезью. На коробке было написано: «Спасибо от благотворительного фонда».

– Вам хотелось, чтобы я это сделала, так ведь? – сказала блондинка, терпеливо улыбаясь. – Вам хотелось отдать свою мелочь несчастным приютским детишкам с рахитичными ножками, правда?

– А что, если нет? – спросил я.

– Я вытащу оттуда семь центов. Но это будет очень мучительно.

В ее слабом протяжном голосе звучала какая-то влажная, напоминающая сырое банное полотенце нежность. Я вслед

за семью центами опустил еще двадцатицентовик. Тут блондинка улыбнулась так широко, что стали видны ее гланды.

– Вы славный человек. Я вижу, что славный. Многие приходят сюда, чтобы заигрывать со мной. Подумать только. Из-за семи центов. Заигрывать.

– Кто сейчас детектив в отеле? – спросил я, не желая пользоваться предлагаемой возможностью.

– Их двое. – Блондинка стала неторопливо поправлять что-то на затылке, старательно демонстрируя при этом свои кроваво-красные ногти. – По ночам дежурит мистер Хэди, а днем – мистер Флэк. Сейчас день, значит смена мистера Флэка.

– Где его можно найти?

Блондинка перегнулась через прилавок и, дав мне вдохнуть запах своих волос, указала длинным ногтем в сторону лифтов:

– В этом коридоре, сразу же за швейцарской. Швейцарскую вы заметите, там дверь из двух половинок, и на верхней золотыми буквами надпись «Швейцар». Только эта половинка откинута, так что, может, надписи вы и не увидите.

– Увижу, – пообещал я. – Хотя бы для этого пришлось привинтить к шее дверную петлю. Как выглядит этот Флэк?

– Ну, – сказала блондинка, – такой невысокий, коренастый, с усиками. Довольно плотный. Сложен крепко, только ростом не вышел.

Пальцы ее поползли по прилавку туда, где я бы мог, не

двигаясь с места, коснуться их.

– Неинтересный он. Зачем он вам?

– Дела, – ответил я и поспешил отойти, пока она не вцепилась в меня.

От лифтов я оглянулся на блондинку. Она глядела мне вслед с выражением, которое, видимо, считала задумчивым.

Швейцарская находилась посредине коридора, ведущего к выходу на Спринг-стрит. Следующая дверь была приоткрытой. Я заглянул туда, потом вошел и прикрыл ее за собой.

За небольшим столом, на котором, кроме пыли и большой пепельницы, почти ничего не было, сидел человек. Невысокий и крепко сложенный. Под носом у него темнела колючая полоска, длиной в дюйм. Я уселся напротив него и положил на стол визитную карточку.

Он лениво потянулся к ней, прочел написанное, перевернул и так же внимательно прочел все на обороте. Достал из пепельницы недокуренную сигару и, разжигая ее, опалил себе нос.

– На что жалуешься? – пробурчал он.

– Ни на что. Флэк – это ты?

Ответить он не потрудился. Лишь устремил на меня пристальный взгляд, скрывающий его мысли, если только ему было что скрывать.

– Мне хотелось бы узнать кое-что об одном из постояльцев, – сказал я.

– Как его имя? – спросил Флэк без особого воодушевления.

ния.

– Не знаю, под каким именем он здесь живет. У него триста тридцать второй номер.

– А как его звали в других местах? – спросил Флэк.

– Не знаю и этого.

– Ну а как он выглядит? – Флэк проникся подозрительностью, вновь перечел текст моей визитной карточки, однако никаких новых сведений не почерпнул.

– Насколько мне известно, я его ни разу не видел.

– Видно, я переутомился, – сказал Флэк. – Ничего не могу понять.

– Этот человек позвонил мне. Хотел меня видеть.

– Я тебя не задерживаю.

– Слушай, Флэк. У частного детектива иногда появляются враги. Ты должен это знать. Этот человек чего-то от меня хочет. Приглашает сюда, забывает представиться и вешает трубку. Я решил кое-что разузнать, прежде чем подниматься к нему.

Флэк достал изо рта сигару и терпеливо сказал:

– У меня просто голова кругом идет. Все равно ничего не понимаю. Хоть убей.

Я перегнулся через стол и неторопливо, отчетливо сказал:

– Возможно, это удобный способ заманить меня в отель, убрать и тихо смотаться. Тебе не хочется, чтобы такое случилось здесь, а, Флэк?

– Допустим, – сказал он. – А ты что, считаешь себя такой

уж важной птицей?

– Тебе нравится эта гадость, которую ты куришь, или считаешь, что она придает тебе устрашающий вид?

– Разве я могу курить сигары получше, – сказал Флэк, упорно глядя на меня, – если получаю всего сорок пять монет в неделю?

– Я еще не получил денег. Пока ничем не могу помочь.

Флэк огорченно хмыкнул, устало поднялся и вышел. Я закурил сигарету и стал ждать. Вскоре он вернулся и положил на стол регистрационную карточку. На ней твердым округлым почерком было выведено: «Доктор Дж. У. Хэмблтон. Калифорния, Эль-Сентро». Администратор написал на ней и другие сведения, включая суточную стоимость проживания. Флэк ткнул в карточку пальцем, нуждавшимся в маникюре или, по крайней мере, в щетке для ногтей.

– Занял номер триста тридцать два в два сорок семь, – сказал он. – То бишь сегодня. В счет ему ничего не занесено. Только плата за день проживания. Ни телефонных звонков, ни прочего. Тебе это нужно?

– Как он выглядит? – спросил я.

– Я его не видел. Думаешь, я стою и фотографирую постояльцев, пока они регистрируются?

– Спасибо, – сказал я. – Доктор Дж. У. Хэмблтон, Эль-Сентро. Весьма признателен. – И вернул регистрационную карточку.

– Всегда рад поделиться тем, что знаю, – сказал Флэк, ко-

гда я выходил. – Не забывай, где я живу. Если только это можно назвать жизнью.

Я кивнул и вышел. Бывают такие дни. Встречаешься с одними недотепами. Начинаешь смотреть на себя в зеркало и удивляться.

Триста тридцать второй номер находился в глубине здания, неподалеку от выхода на пожарную лестницу. В коридоре пахло старыми коврами, мебельным лаком и однообразной безликостью тысячи неудавшихся жизней. Ведро для песка на полке под пожарным шлангом было полно скопившихся за несколько дней сигарных и сигаретных окурков. Через открытую фрамугу из приемника слышалась духовая музыка. Через другую доносился неудержимый смех. В конце коридора, у номера 332, было потише.

Как было условлено, я постучал с одним долгим и с одним коротким промежутком. Никакого ответа. Я почувствовал себя изнуренным и старым, словно всю жизнь стучался в двери номеров дешевых отелей и никто ни разу не потрудился мне открыть. Постучал еще раз. Потом повернул ручку и вошел. Изнутри в замок был вставлен ключ с красной картонной биркой.

За дверью находилась небольшая прихожая с ванной по правую сторону. Из прихожей была видна кровать и лежащий на ней человек в рубашке и брюках.

– Доктор Хэмблтон? – спросил я.

Лежавший не ответил. Я направился было к нему, но вдруг ощутил возле ванной запах каких-то духов. Я повернулся, но недостаточно быстро. В дверном проеме, прикрыв

полотенцем нижнюю часть лица, стояла женщина. Над полотенцем были темные очки. А над очками – широкополая соломенная шляпа пыльно-голубого цвета. Из-под шляпы выбивались пышные белокурые волосы. В их тени виднелись синие клипсы. Оправа очков была белой, с широкими заушниками. Платье цветом гармонировало со шляпой. Поверх платья была распахнутая вышитая шелковая жакетка. На руках – перчатки с крагами. Правой рукой женщина сжимала пистолет. Похоже, тридцать второго калибра.

– Повернитесь и заведите руки за спину, – сказала она.

Приглушенный полотенцем голос значил для меня так же мало, как и темные очки. По телефону со мной говорил мужчина. Я не шевельнулся.

– Я не шучу, – сказала женщина. – Даю вам три секунды.

– А нельзя ли минуту? Мне приятно смотреть на вас.

Женщина сделала маленьким пистолетом угрожающий жест.

– Повернитесь, – резко приказала она. – Живо.

– Слышать ваш голос тоже приятно.

– Ну ладно же, – сдавленно сказала она. – Раз вы сами напрашиваетесь, будь по-вашему.

– Не забывайте, что вы дама, – сказал я, повернулся и поднял руки к плечам.

Дуло пистолета уперлось мне в затылок. Дыхание женщины слегка щекотало мне кожу. Запах духов был, можно сказать, изысканным, не очень сильным, не очень резким. Ду-

ло оторвалось от затылка, и в глазах у меня сверкнуло белое пламя. Я крикнул, повалился вниз лицом на четвереньки и быстро протянул руку назад. Рука коснулась ножки в нейлоновом чулке, правда только вскользь. Погладить такую ножку было приятно. Еще один сильный удар по голове лишил меня этого удовольствия, я захрипел, как перед смертью. И бессильно распростерся на полу. Дверь открылась. Лязгнул ключ. Дверь закрылась. Ключ повернулся. Тишина.

Я с трудом поднялся и зашел в ванную. Приложил к ушибу смоченное холодной водой полотенце. Судя по ощущению, женщина была каблуком. Что не рукояткой пистолета – определено. Кровь выступила, но слегка. Я ополоснул полотенце и, поглаживая шишку, недоумевал, почему с воплем не бросился за женщиной. Передо мной над раковиной была открытая аптечка. Крышка жестянки с тальком откинута. Тальк рассыпан по всей полке. Тюбик с зубной пастой разрезан. Кто-то что-то искал.

Выйдя в прихожую, я подергал дверь. Заперта снаружи. Я нагнулся и глянул в замочную скважину. Замок оказался с наружной и внутренней скважинами на разных уровнях. Куколка в темных очках многого не знала об отелях. Я повернул отпирающую наружный запор ручку замка, открыл дверь, оглядел пустой коридор и закрыл снова.

Затем направился к лежавшему на кровати человеку. Все это время он ни разу не шевельнулся, и я догадывался почему.

За маленькой прихожей находилась комната с двумя окнами, в них, освещая лежащего с ног до шеи, падали косые лучи вечернего солнца. На грани света и тени торчало что-то сине-белое, блестящее, округлое. Человек лежал в удобной позе, на боку, вытянув руки вдоль тела, без обуви, щекой на подушке, и казался спящим. На голове у него был парик. В прошлый раз, когда я говорил с этим человеком, его звали Джордж У. Хикс. Теперь – доктор Дж. У. Хэмблтон. Инициалы те же самые. Впрочем, теперь это не имело значения. Он умолк навсегда. Крови не было. Ни капли. Это одно из немногих достоинств умелой работы пешней.

Я коснулся шеи лежавшего. Она еще не успела остыть. Солнечные лучи сместились от рукоятки пешни к его левому уху. Я отвернулся и оглядел комнату. Телефонный аппарат был вскрыт. В углу валялась гидеоновская Библия. Письменный стол хранил следы обыска. Я подошел к чулану и заглянул в него. Только постельные принадлежности да чемодан, который я уже видел. Ничего такого, что могло бы представлять интерес. Я поднял с пола жесткополую шляпу, положил ее на стол и вернулся в ванную. Теперь меня занимало, удалось ли убийцам найти то, что искали. Времени у них было в обрез.

Я старательно обыскал ванную. Снял крышку с бачка и спустил воду. Пусто. Заглянул в водослив. Нитки с привязанным к ее концу предметом не было. Обыскал комод. Там оказался только старый конверт. Отбросил крючки оконных

сеток и пошарил под наружными подоконниками. Поднял с пола Библию и перелистал ее снова. Осмотрел три картины и обследовал кромку ковра. Он был плотно прибит к стене, в углубления от гвоздей набилась пыль. Лег и осмотрел пол под кроватью. Тоже ничего, кроме пыли. Встал на стул и заглянул в абажур. Только пыль идохлые мотыльки. Оглядел постель. Она была застелена горничной, и с тех пор к ней никто не прикасался. Ощупал подушку под головой мертвеца, потом достал из чулана вторую иощупал швы. Ничего.

Пиджак доктора Хэмблтона висел на спинке стула. Я обыскал его, почти наверняка зная, что ничего не найду. Кто-то перерезал ножом подкладку и набивку под плечами. В кармане оказались спички, две сигары, темные очки, свежий носовой платок, корешок билета в кино, маленькая расческа и запечатанная пачка сигарет. Я внимательно осмотрел пачку на свету. Непохоже было, чтобы ее вскрывали. Распечатал, порылся внутри, но обнаружил лишь сигареты.

Оставалось обыскать только самого доктора Хэмблтона. Я повернул его и обшарил карманы брюк. Мелочь, еще один платок, тюбик зубной пасты, спички, кольцо с ключами, расписание автобусов. В бумажнике из свиной кожи оказались конверт с марками, еще одна расческа (этот человек очень заботился о своем парике), три плоских пакетика с белым порошком, семь визитных карточек с надписью «Доктор Дж. У. Хэмблтон, Калифорния, Эль-Сентро, Гастин-билдинг, приемные часы 9–12; 14–16, и, по назначе-

нию, телефон Эль-Сентро 50—406». Ни водительских прав, ни страховой карточки, никаких документов, удостоверяющих личность. В бумажнике лежало сто шестьдесят четыре доллара. Я сунул бумажник на место.

Взяв со стола шляпу, я осмотрел наружную и внутреннюю ленты. Бант, судя по обрывкам ниток, был отпорот кончиком ножа. Внутри банта ничего не было. Ничего не говорило о том, что его распарывали и сшивали снова.

Напрашивался следующий вывод. Если убийцы знали, что ищут, то это можно было спрятать в телефонной коробке, тюбике зубной пасты или банте шляпы. Я зашел в ванную и поглядел в зеркало на голову. Из ранки все еще сочилась тонкая струйка крови. Я снова омыл шишку холодной водой, стер кровь туалетной бумагой и спустил ее в унитаз. Вернулся и встал над доктором Хэмблтоном, размышляя над тем, в чем же он мог оплошать. На простака он не походил. Лучи солнца переместились в дальний конец комнаты и падали уже не на кровать, а в неубранный пыльный угол.

Внезапно я хмыкнул, наклонился и торопливо, с неуместной усмешкой сдернул с доктора Хэмблтона парик и вывернул его наизнанку. Все оказалось очень просто. К подкладке парика липкой лентой был приклеен прикрытый целлофаном кусочек оранжевой бумаги. Я отодрал его, развернул и увидел, что это квитанция из фотостудии Бэй-Сити. Сунул ее в свой бумажник и тщательно натянул парик на лысую голову покойного.

Комнату, поскольку запереть ее было нечем, я бросил незапертой.

В коридор по-прежнему неся огушительный рев радио, и к нему присоединялся громкий пьяный смех.

Работник фотостудии Бэй-Сити ответил мне по телефону:

– Да, мистер Хикс. Готовы. Шесть увеличенных отпечатков на глянцевої бумаге с вашего негатива.

– Когда вы закрываетесь? – спросил я.

– Минут через пять. Открываемся утром в девять.

– Тогда я зайду утром. Спасибо.

Повесив трубку, я машинально полез в прорезь и обнаружил там чей-то пятицентовик. Подошел к буфетной стойке, взял чашку кофе, сел и стал потягивать его, прислушиваясь к жалобным гудкам автомобилей на улице. Было время возвращения людей с работы. Раздавались свистки. Гудели моторы. Визжали старые тормоза. С тротуара доносился глухой нескончаемый топот ног. Только что пробило половину шестого. Я допил кофе, набил трубку и прошел полквартила обратно к отелю «Ван Нуйс». В вестибюле вложил оранжевую квитанцию в лист бумаги и написал на конверте свой адрес. Прилепил на конверт марку заказной доставки и опустил его в почтовый ящик у лифта. Потом снова пошел в кабинет Флэка.

Как и в прошлый раз, я закрыл дверь и сел напротив него. Флэк с тех пор, казалось, даже не шевельнулся. Он угрюмо мусолил все тот же окурок сигары, и глаза его были все так же пусты. Чиркнув спичкой о стол, я разжег погасшую трубку.

Флэк нахмурился.

– Доктор Хэмблтон не отзывается на стук, – сказал я.

– А? – Флэк тупо посмотрел на меня.

– Номер триста тридцать второй. Помнишь? Он не отзывается на стук.

– Ну и что – мне на стенку лезть? – спросил Флэк.

– Я стучал несколько раз. Никакого ответа. Решил, что, может, он принимает ванну, хотя ничего не было слышно. Ушел, походил, потом снова стал стучать. Опять никакого ответа.

Флэк достал из жилетного кармана часы-луковицу и поглядел на циферблат.

– Черт, – сказал он, – еще целый час сидеть, даже больше. Я голоден как волк.

– Еще бы. При такой напряженной работе тебе бы надо подкрепиться. Так номер триста тридцать два тебя совершенно не интересуется?

– Ты говоришь, что постояльца там не было, – раздраженно сказал Флэк. – Ну и что? Не было, так не было.

– Я не говорил, что его не было. Я сказал, что он не отвечает на стук.

Флэк подался вперед. Очень медленно вынул изо рта окурок сигары и положил в стеклянную пепельницу.

– Продолжай. Может, мне станет интересно, – сдержанно сказал он.

– Может, поднимешься, убедишься сам, – сказал я. – Мо-

жет, ты давно не видел первоклассной работы пешней.

Флэк положил руки на подлокотники и крепко стиснул их.

– Уфф, – издал он недовольный звук. – Уфф.

Встав, он выдвинул ящик стола. Достал оттуда большой вороненый револьвер, открыл его, осмотрел патроны в барабане, заглянул в ствол и резко закрыл снова. Расстегнул жилетные пуговицы и сунул револьвер за пояс. В случае опасности он, возможно, сумел бы выхватить оружие меньше чем за минуту. Решительно нахлобучив шляпу, он большим пальцем указал на дверь.

Мы молча поднялись на третий этаж. Пошли по коридору. Там ничего не изменилось. Ни один из многочисленных шумов не усилился и не ослабел. Флэк торопливо подошел к номеру и по привычке постучал. Потом подергал дверь. Обернулся ко мне и скривил рот.

– Ты говорил, что дверь была не заперта, – недовольно сказал он.

– Собственно, я этого не говорил. Но она была не заперта.

– А теперь на замке, – сказал Флэк и выудил ключ на длинной цепочке.

Отпер замок, поглядел в одну сторону, в другую. Медленно, бесшумно повернул дверную ручку и приоткрыл дверь дюйма на два. Прислушался. Изнутри не доносилось ни звука. Флэк сделал шаг назад и достал из-за пояса револьвер. Распахнул пинком дверь и вскинул оружие, вытянув руку до отказа, как гангстеры в кинофильмах.

– Пошли, – сказал он мне углом рта.

Через его плечо я видел, что доктор Хэмблтон лежит в прежнем положении, но рукоятку пещни от входа было не разглядеть. Флэк подался корпусом вперед и осторожно вошел. Подойдя к двери ванной, он заглянул в щель, потом распахнул дверь настежь. Вошел в ванную, затем вышел оттуда и шагнул в комнату как человек, готовый к любым опасностям.

Он подергал дверцу чулана и, подняв револьвер, распахнул ее. Никаких злоумышленников в чулане не оказалось.

– Посмотри под кроватью, – сказал я ему.

Он быстро нагнулся и заглянул под кровать.

– А теперь под ковром.

– Ты что, издеваешься? – злобно спросил Флэк.

– Просто нравится смотреть, как ты работаешь.

Флэк нагнулся над покойником и уставился на рукоятку пещни.

– Кто-то запер дверь. Если ты не врешь, что она была отперта.

Я промолчал.

– Что ж, придется вызывать полицию, – неторопливо сказал он. – Такого дела не скроешь.

– Твоей вины здесь нет. Такое случается даже в хороших отелях.

Молодой рыжеволосый врач-интерн заполнил свидетельство о смерти и сунул авторучку в нагрудный карман белого халата. С легкой усмешкой захлопнул журнал.

– Видимо, задет спинной мозг прямо под затылочной костью, – равнодушно сказал он. – Очень уязвимое место. Нужно только знать, как его найти. Вы, я полагаю, знаете.

Лейтенант Кристи Френч проворчал:

– Думаешь, я впервые с этим сталкиваюсь?

– Догадываюсь, что нет, – сказал интерн. Бросил напоследок быстрый взгляд на покойника и вышел, обронив через плечо: – Позвоню коронеру.

Дверь за интерном закрылась.

– Труп для этой публики – все равно что для меня тарелка тушеной капусты, – угрюмо сказал Кристи Френч, обращаясь к закрытой двери.

Его напарник, Фред Бейфус, стоял на одном колене у телефонной коробки. Посыпал ее порошком, чтобы снять отпечатки пальцев, сдул лишнюю пыль. Посмотрел на пятна в маленькую лупу. Покачал головой, потом что-то снял с винта, которым крепится крышка.

– Серые хлопчатобумажные перчатки гробовщика, – сказал он с отвращением. – Оптовая цена – четыре цента пара. Откуда взяться отпечаткам? В телефонной коробке, видно,

что-то искали?

– Очевидно, что-то способное уместиться там, – сказал Френч. – Я и не рассчитывал найти отпечатки. Пешней работают профессионалы. Со временем мы найдем этих специалистов. Сейчас просто беглый осмотр.

– По-моему, пешней действовала женщина, – вдруг заявил Флэк. – Пешни продаются всюду. Цена им десять центов. Если нужно, чтоб она была под рукой, можно сунуть ее под подвязку.

Кристи Френч презрительно покосился на него. Бейфус сказал:

– С какими женщинами ты знаешься, дружок? Сейчас чулки стоят так дорого, что женщина не сунет туда пешню, так же как и пилу.

– Об этом я не подумал, – сказал Флэк.

– Думать предоставь нам, дружок, – ответил Бейфус. – Для этого нужно иметь кое-что в голове.

– Ну, грубить-то не надо, – буркнул Флэк.

Бейфус снял шляпу и раскланялся:

– Не лишайте нас маленьких удовольствий, мистер.

– К тому же, – добавил Френч, – женщина наносила бы удар за ударом. Она бы не сообразила, когда нужно остановиться. Всякая шантрапа тоже. Тут работа профессионала. Он сразу же попал в спинной мозг. И вот еще что – для этого нужно, чтобы человек был неподвижен. Значит, его кто-то держал, если только он не был в отключке или убийца не

был его знакомым.

– Не представляю, – сказал я, – как он мог в отключке звонить мне.

Френч и Бейфус поглядели на меня с выражением сдержанной скуки.

– Если, – заметил Френч, – ты, как сам говоришь, не знал этого парня, то есть слабая вероятность, что не знал и его голоса. Может, юмор у меня слишком тонкий?

– Не знаю, – ответил я. – Не читал, что вам пишут поклонники вашего таланта.

Френч усмехнулся.

– Не трать на него красноречия, – сказал ему Бейфус. – Блеснешь им в клубе, в пятницу утром. Старых дам из Лиги длинных носов очень интересуют тончайшие подробности убийства.

Френч размял сигарету и, чиркнув спичкой о спинку стула, прикурил.

– Этот способ убивать пешней пошел из Бруклина, – объяснил он. – Его переняли ребята Веселого Моу Стейна, но слишком уж увлеклись. Нельзя было пройти по пустырю, не обнаружив их работы. Потом те, кто избежал ареста, перебрались сюда. Интересно зачем?

– Может, пустырей у нас побольше, – предположил Бейфус.

– Но как ни странно, – лениво продолжал Френч, – в феврале, когда по указке Плаксы Мойера на Франклин-авеню

укокошили Веселого Моу Стейна, убийца стрелял из пистолета. Моу это очень бы не понравилось.

– Вот потому-то, держу пари, его лицо, когда с него смыли кровь, и выражало разочарование, – сказал Бейфус.

– А кто этот Плакса Мойер? – спросил Флэк.

– Он был вторым человеком в шайке после Моу, – ответил Френч. – Вполне вероятно, что главаря убрал он. Только не собственными руками.

– Почему? – угрюмо спросил Флэк.

– Ты что, газет не читаешь? Мойер теперь стал джентльменом. Знается с лучшими людьми. Даже имя сменил. А во время убийства Моу Стейна он сидел по обвинению в содержании игорного дома. По этому делу мы ничего не установили. Но создали ему прекрасное алиби. Тем не менее, как я уже сказал, он теперь джентльмен, а джентльмены сами не совершают убийств пешнями. Они для этого кого-нибудь нанимают.

– У вас были какие-то улики против Мойера? – спросил я. Френч бросил на меня резкий взгляд:

– А в чем дело?

– Да так, мелькнула у меня одна мысль. Правда, очень шальная.

Френч неторопливо оглядел меня.

– Между нами говоря, – сказал он, – у нас даже нет доказательств, что человек, которого мы задержали, и есть Мойер. Только не болтайте об этом. Знать об этом должны толь-

ко он сам, его адвокат, прокурор, управление полиции, муниципалитет и еще человек двести-триста.

Хлопнув себя по бедру пустым бумажником покойного, Френч сел на кровать. Небрежно откинулся на ногу трупа, закурил сигарету и ткнул ею в воздух.

– Хватит разводить треп. Вот чем мы располагаем, Фред. Во-первых, покойник не блистал умом. Он назвался доктором Дж. У. Хэмблтоном, при нем обнаружены визитные карточки с адресом и телефонным номером в Эль-Сентро. На выяснение, что такого адреса и такого телефона нет, ушло две минуты. Умного человека так легко не раскусить. Во-вторых, он явно не при деньгах. У него оказалось четырнадцать долларов бумажками и доллара на два мелочью. На кольцо нет ни автомобильного ключа, ни ключа от сейфа, ни от квартиры, только ключи от чемодана и семь отмычек. Кстати, свежеподпиленных. Похоже, он хотел слегка пограбить отель. Как думаешь, Флэк, эти отмычки подошли бы к замкам в твоём притоне?

Флэк подошел и взглянул на них.

– Да вроде бы подходящего размера, – сказал он. – Годятся они или нет, определить на глаз не могу. За этим обращайтесь в контору. У меня есть только запасной ключ.

Он достал из кармана ключ на длинной цепочке и сравнил его с отмычкой. Покачал головой:

– Над этими отмычками еще надо работать. Они мало подпилены.

Френч стряхнул пепел в ладонь и сдул его. Флэк снова сел на свой стул у окна.

– Следующий пункт, – объявил Кристи Френч, – у него нет ни водительских прав, ни других документов, удостоверяющих личность. Вся одежда куплена не в Эль-Сентро. Явно какой-то жучок, однако на подделывателя чеков не похож.

– Ты не видел его в деле, – ввернул Бейфус.

– И этот притон – неподходящее место для подобных занятий, – продолжил Френч, – у него паршивая репутация.

– Ну это уж слишком! – возмутился Флэк.

Френч жестом оборвал его:

– Я знаю все отели в центральном районе. Это моя обязанность. За пятьдесят долларов я мог бы в течение часа организовать парный стриптиз с французскими фокусниками в любом из номеров этого отеля. У тебя своя работа, у меня своя. И нечего морочить мне голову. Ну ладно. У этого постояльца было что-то такое, что он боялся держать при себе. Следовательно, знал, что за ним кто-то охотится и вот-вот настигнет. Поэтому он предлагает Марлоу сто долларов за хранение этой вещи. Но у него нет таких денег. Стало быть, он собирался встретиться здесь с Марлоу и повести какую-то игру. В таком случае это не краденая драгоценность. Это должно быть что-то почти допустимое. Правильно, Марлоу?

– «Почти» тут излишне, – сказал я.

Френч слегка усмехнулся:

– Итак, у него было нечто, способное уместиться в теле-

фонный аппарат, за шляпную ленту, в Библию или в коробку с тальком. Мы не знаем, нашли эту вещь или нет. Но знаем наверняка, что времени на поиски было очень мало. Чуть больше получаса.

– Если только мне звонил доктор Хэмблтон, – сказал я. – К этому выводу пришли вы сами.

– В противном случае звонить не имело смысла. Убийцы не добивались, чтобы труп был поскорее обнаружен. С какой стати им вызывать кого-то в этот номер? – Он обернулся к Флэку: – Можно как-то установить, кто поднимался к нему?

Флэк угрюмо покачал головой:

– Портье не видит, кто подходит к лифтам.

– Может, из-за этого он и выбрал этот отель, – сказал Бейфус. – Да еще из-за уютной атмосферы.

– Перестань, – сказал Френч. – Тот, кто убил его, мог спокойно войти и выйти. И это, в сущности, все, что нам известно. Так, Фред?

Бейфус кивнул.

– Не все, – уточнил я. – Парик у него превосходный, но все же это парик.

Бейфус и Френч быстро обернулись, Френч протянул руку, осторожно снял парик и присвистнул:

– А я-то думал, чего это интерн усмехается. Вот гад, даже не заикнулся. Видишь, Фред?

– Вижу только лысину, – ответил Бейфус.

– Ты, может, и не знаешь его. Это Неуловимый Марстон.

Был на побегушках у Тэда Девора.

— Ну да, точно, — усмехнулся Бейфус. Наклонился и ласково погладил покойника по лысине. — Как поживал все это время, Неуловимый? Я так давно не видел тебя, что даже не узнал. Но ты ведь знаешь меня, приятель. Растяпа всегда растяпа.

Без парика человек на кровати выглядел старым, жестким, съезжившимся. На его лице начала застывать желтая маска смерти.

— Что ж, у меня камень с души свалился, — спокойно сказал Френч. — Не придется сутками вкалывать из-за этого подонка.

Он нахлобучил покойнику парик, сдвинул его на один глаз и встал с кровати.

— Вы нам больше не нужны, — обратился он ко мне и Флэку.

Флэк поднялся.

— Спасибо за это убийство, дружок, — сказал ему Бейфус. — Если в твоём славном отеле случится еще одно, не забывай о нашей службе. Действует она не всегда хорошо, зато быстро.

Флэк распахнул дверь и вышел в прихожую. Я пошел за ним. По пути к лифту мы не разговаривали. И по пути вниз — тоже. Я дошел с ним до его маленького кабинета, вошел следом и закрыл дверь. Это, казалось, удивило его.

Он сел за стол и потянулся к телефону:

— Надо доложить помощнику управляющего. Тебе что-ни-

будь нужно?

Я размял сигарету, закурил и спокойно выдохнул дым в его сторону.

– Сто пятьдесят долларов.

Лицо Флэка превратилось в маску с двумя отверстиями вместо глаз.

– Нашел место для шуток, – сказал он.

– После этих двух комиков наверху не грех бы и пошутить, – заметил я. – Но я не шучу.

И забарабанил пальцами по краю стола.

У Флэка над усиками выступили капельки пота.

– Видишь, я занят, – сказал он хрипло. – Вали отсюда, и поживее.

– Какой грозный малыш! – продолжил я. – Когда я обыскивал доктора Хэмблтона, у него в бумажнике было сто шестьдесят четыре доллара. Он обещал мне сотню в задаток, помнишь? А теперь – четырнадцать долларов. И я оставил дверь его номера незапертой. Но она оказалась заперта. Запер ее ты, Флэк.

Флэк вцепился в подлокотники кресла. Голос его доносился словно со дна колодца.

– Ты ничего не сможешь доказать.

– Сделать попытку?

Флэк достал из-за пояса пистолет, положил перед собой и уставился на него. Но ничего не высмотрел. И снова поднял взгляд на меня.

– Пополам, а? – надломленным голосом спросил он.

Наступило общее молчание. Флэк достал старый потрепанный бумажник и запустил в него пальцы. Вынул пачку бумажных денег, разложил их на две стопки и придвинул одну ко мне.

– Отдавай все полторы сотни, – сказал я.

Флэк сгорбился и уставился на угол стола. Посидев так, вздохнул. Сложил обе стопки и придвинул ко мне.

– Они были уже не нужны ему. Забирай и сматывайся. Я запомню тебя, приятель. Тошнит меня от всех от вас. Откуда мне знать, что ты не слямзил у него полторы тысячи?

– Я забрал бы все. И убийца тоже. Чего ради оставлять четырнадцать долларов?

– Ну а чего ради я оставил их? – устало спросил Флэк, бессмысленно водя пальцами по краю стола.

Я взял деньги, пересчитал их и швырнул ему.

– Потому что ты работаешь здесь и знаешь, сколько нужно денег на первый случай. У него, по крайней мере, должны были быть деньги на оплату номера и несколько долларов на мелкие расходы. Полицейские ничего не смогли заподозрить. Забирай эти полторы сотни, они мне не нужны. Мне нужно кое-что другое.

Флэк разинул рот и уставился на меня.

– Убери деньги с моих глаз, – сказал я.

Он взял их и снова сунул в бумажник.

– Что другое? – Глаза его были маленькими и задумчивы-

ми. Нижняя губа оттопырилась. – По-моему, в твоём положении ставить условия ни к чему.

– На этот счет ты слегка заблуждаешься. Если я снова поднимусь туда и скажу Кристи Френчу с Бейфусом, что был в номере еще до них и обыскал убитого, то наслушаюсь брани. Но Френч поймет, что помалкивал я без злого умысла. Поймет, что тут как-то замешан мой клиент и я хотел оградить его от неприятностей. Криков и ругани я наслушаюсь. Но тебе так легко не отделаться.

Я замолчал и смотрел, как на лбу у Флэка появляется влажный блеск. Он с трудом сглотнул. Глаза у него были больными.

– Кончай рассуждать и говори, что тебе нужно, – выдавил он. И внезапно как-то по-волчьи усмехнулся: – Поздновато ты явился, чтобы ограждать ее от неприятностей.

Его самодовольная улыбка возвращалась медленно, но торжествующе.

Я загасил сигарету, достал другую и, пытаясь скрыть растерянность, неторопливо зажег ее, отбросил спичку, выпустил дым в сторону, глубоко затянулся, словно этот маленький грязный кабинет был утесом над бушующим океаном, – словом, пустил в ход все испытанные приемы детективов.

– Ладно, – сказал я. – Признаю, что это женщина. Признаю, если тебе этого хочется, что она была там с убитым. По-моему, она удрала оттуда только из-за потрясения.

– Ну еще бы, – мерзким тоном сказал Флэк. Самодоволь-

ная его улыбка окончательно вернулась на место. – А может, она просто уже целый месяц никого пешней не убивала и слегка отвыкла.

– Но зачем ей было забирать ключ? – принялся я рассуждать вслух. – И оставлять его у портье? Почему бы ей не уйти, оставив все как есть? Ну а если она сочла нужным запереть дверь – почему не бросить ключ в ведро с песком и не засыпать? Или унести и выбросить? Зачем ей отдавать ключ и оставлять о себе память в связи с этим номером? – Я опустил взгляд и угрожающе посмотрел на Флэка. – Если только кто-то видел, как она запирала номер, и проследил за ней, когда она вышла из отеля.

– Зачем кому-то это было нужно? – спросил Флэк.

– Потому что тот, кто видел ее, мог тут же войти в номер. У него был запасной ключ.

Флэк вскинул и тут же опустил взгляд.

– Итак, он последовал за ней, – сказал я. – Видел, как она сдала ключ портье и вышла на улицу, да и там он, наверное, отстал от нее не сразу.

– И чего ты такой догадливый? – усмехнулся Флэк.

Я подался вперед и придвинул к себе телефон:

– Позвоню-ка я Кристи да покончу с этим. Чем больше я об этом думаю, тем больше меня берет страх. Вдруг убила его она. Я не могу покрывать убийцу.

Я снял трубку. Флэк с силой ударил меня по руке потной ладонью. Телефон подпрыгнул.

– Не звони, – сказал он плачущим голосом. – Я шел за ней до стоявшей на улице машины. Записал номер. Черт возьми, приятель, не губи меня. – Он принялся торопливо шарить в карманах. – Знаешь, что я имею на этой работе? Можно сказать, только на курево. Погоди минутку. Кажется...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.